

Издание Калужской епархии Русской Православной Церкви

Православный Христианин

№ 4 - 2009

Γὰ τὰ ἰαῆοῦ

После Слова Огласительного святителя Иоанна Златоуста

Мы поём Христово Воскресение, и вот только что словами святого Иоанна Златоустого мы провозглашали победу жизни над смертью: «Где, ад, твое жало, где, смерть, твоя победа?» Воскрес Христос – и ни один мертвец не остался в гробе... А вместе с этим мы видим собственными глазами, мы слышим страшные вести о том, что смерть всё ещё косит вокруг нас, что умирают ближние, умирают молодые, умирают дорогие – где же это благоvestие о победе жизни?

Смерть бывает разная. Бывает телесная смерть, но бывает смерть ещё более страшная: разлука, разлука окончательная, разлука вечная, непреодолимая разлука. И эта смерть, в течение тысячелетий до прихода Христова, была опытом всего человечества. Оторвавшись от Бога, потеряв Бога как источник своей жизни, человечество стало не только умирать телом, но стало уходить окончательно, навсегда от общения с Ним. Умерев без Него, люди оставались мёртвыми без Него.

И вот Христос, Сын Божий, Бог Живой пришёл на землю, Он жил человеческой жизнью. Будучи Богом Живым, самой Жизнью, Он приобщился всему, что составляло судьбу человека: Он жаждал, был голоден, уставал; но страшнее всего – в конечном итоге Он приобщился умиранию и смерти. Как Бог Он умереть не мог; но по любви к нам Он разделил с нами нашу судьбу. С Богом остался и был отвержен людьми; с людьми не разлучился и на Кресте – о! на Кресте Он сказал самые страшные слова истории: «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?» И умер, умер: сама Жизнь умерла, потух свет, который Свет по существу...

И вот сошёл Христос Своей душой в ту бездну богооставленности, где нет Бога. Когда Он вошёл

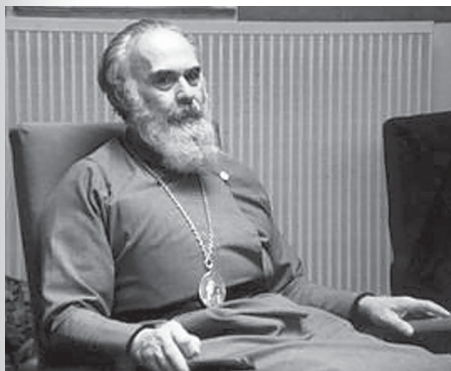
в эту страшную область, Он Собою, Своим Божеством, Жизнью вечной, Светом неумирающим заполнил всё. И эта смерть навсегда упразднена; теперь смерть мы называем уснением, временным сном. И когда умираем, мы уходим не в бездну отчаяния и Богооставленности, а к Богу, возлюбившему нас так, что Он Сына Своего Единородного, единственного, возлюбленного дал, чтобы мы поверили в Его любовь!

И можем ли мы в этой любви сомневаться, когда мы видим, знаем, чего эта любовь Богу стоила: жизнь Христа, смерть Христа, отверженность людьми, отверженность Богом, ужас Гефсиманского сада, когда Он ждал смерти, зная, что Его предал близкий ученик, зная, что через несколько часов Пётр, другой Его ученик, от Него отречётся и что все Его оставят умирать в одиночестве, умирать одного... И этим Он нам говорит: Смотрите: и это Я на Себя принял. Я умер, чтобы вы верили, что вы любимы Богом, и потому что вы Богом любимы, вы спасены... Потому что спасение наше не от нас зависит, а от этого чуда любви...

А мы – чем можем отозваться на эту любовь? Мы можем эту любовь принять благоговейно, трепетно в сердца наши, мы можем с изумлением предстоять перед этим чудом непобедимой Божественной любви. И если мы это поняли, тогда мы можем всю жизнь благодарить, превратить всю жизнь в благодарение: не по долгу поклоняться Богу, не по необходимости исполнять Его заповеди, а сказать: «Господи! Если Ты нас так любишь, то должно Тебя почитать, любить, слушаться, потому что Твой путь – путь жизни...» И всю жизнь, всю без остатка, сделать не словом благодарности, не песней благодарности, а живой благодарностью: так любить каждого человека, как его возлюбил Бог: любой ценой и до конца.

И если мы так научимся любить, то мир наш станет новым, другим миром; тогда придёт к нам Царство Божие, Воскресение, новая жизнь. Но для этого каждый из нас должен умереть – не телесной смертью и не ужасной смертью разлуки, а отказом от всего себялюбия, от искания своего. Нужно открыться Богу, открыться другим, жить для других. Потому что воскреснуть вечной жизнью может только то, что сбросило с плеч, как старую, ненужную одежду, всё временное и тленое... ТАК будем жить и такой мир создавать, и тогда возрадуется о нас Господь, и мы с радостью взглянем Ему и каждому человеку в лицо...

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Православный Христианин

№ 4 - 2009

Издаётся с января 1991 года
по благословению митрополита
Калужского и Боровского Климентя

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Пасхальное послание митрополита
Климентя

...стр. 4 - 5

Пасха – победа над последним врагом – смертью

Максим ЛИХОНИН
...стр. 6

Что для нас Пасха?

Беседа с протоиереем
Димитрием МОИСЕЕВЫМ
...стр. 7 - 11

Помните о нашей Победе!

Константин ИЛЬИН
...стр. 12 - 13

Почётная награда

Протоиакон Сергей КОМАРОВ
...стр. 14 - 15

Освящение колоколов

...стр. 15

От Екатеринбурга до Краснодара

Юлия РАХАЕВА
...стр. 16

Паломничество Николая Гоголя в
Святую Землю

архимандрит Августин (НИКИТИН)
...стр. 17 - 21

Стихотворения Валерия Молчанова

...стр. 22 - 23

Влияние протестантизма
на имущественную этику
и экономическую теорию

Николай СОМИН
...стр. 24 - 27

Святой исповедник Роман,
пресвитер Малоарославский

Олег КИЗЯЕВ
...стр. 28 - 31

Миссия России

Александр МОЛОТКОВ
...стр. 32 - 36

Русская община как

Константин СОКОЛОВ
...стр. 37 - 40

Разбомблённая Сербия

...стр. 41

Святыня в Калужке

Юлия РАХАЕВА
...стр. 42 - 43

На первой странице обложки.

Явление Христа после Воскресения.
Картина Сергея Карпычева. 1910 г.

19 aīdaēy Aīpēdaīaīēa Ōbēlōīaī

От смерти – к жизни

Этими словами кратко Церковь объясняет самый главный христианский праздник – Пасху, Воскресение Христово. Христос Спаситель Своим Воскресением привёл нас из смертного состояния в бессмертное, вечное, а потому и живое. Ничто временное не может по настоящему называться живым, так как имеет обусловленное, ограниченное состояние. В итоге, наступает момент, когда видимое существование перестаёт иметь место и за тем ничего не следует. Для человеческой души даже после прекращения видимой для нас жизни открывается новая жизнь, невидимая. До Воскресения Христа смерть имела довлеющее значение, потому что для человека после прекращения земного существования не было больше жизни. Но после Крестной смерти и славного востания Христа смерть была повержена. «Ад опустел», – говорится за пасхальным богослужением. То есть все люди, умершие до Воскресения Христа, находящиеся в аду, но ожидающие Мессию, Сына Божьего, при сошествии Спасителя в ад вышли оттуда вместе с Ним.

Тех, кто некогда был изгнан из рая на землю, Он вернул от земли на небо, тех, кто сознательно лишил себя богообщения, Он, добровольно приняв страдания, испытал на Кресте и привёл к Отцу Небесному. Он исцелил большую человеческую природу, потому что не здоровые требуют исцеления, но больные (Мф. 9, 12).

Как в этот день можно ни ликовать, ни радоваться, ни прославлять «Виновика всех благ, Бога». Христос воскрес и дал возможность и

всем нам воскреснуть. Христос воскресил всё человеческое естество, потому что Он любит даже тех, кто Его отвергает. И поэтому он искупил не только Своих последователей и учеников, не избранный народ еврейский, а всё человечество, которое Он создал. Он дал возможность каждому человеку вечно жить и радоваться этой жизни вместе с Ним.

«Христос воскрес!» – слышим мы со всех сторон, и этот праздничный возглас можно сравнить с восклицанием победы над врагом. Выиграв войну, радуется и военачальник, радуется и простой солдат, потому что враг повержен, начинается новая жизнь. И если мы со Христом, то мы тоже победители, потому что Христос победил смерть. Он воистину воскрес!

Протоиакон
Сергей КОМАРОВ

Мнения авторов статей могут не совпадать с мнением редакции
Редакция использует материалы из православных интернет-ресурсов

Над номером работали:

Вадим Наговицын
Юлия Рахаева
Протоиакон Сергей Комаров

«Православный христианин». Выпускается 10 номеров в год

Регистрационное свидетельство издания № 526 от 26.12.1990

Отпечатано с оригинал-макета в ОАО
«Калужская типография стандартов».
248021, Калуга, ул. Московская, 256
Печать офсетная. Формат 60x84 1/8.
Печ. л. 5,0. Тираж 2000 экз., заказ №

Господи, возлюбленные о Господе пастыри, всечестные иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

**Высокопреосвященнейшего Климента,
митрополита Калужского и Боровского**

**освященному клиру, честному иночеству и боголюбивой пастве –
всем верным чадам Калужской епархии
Русской Православной Церкви**

*Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?
(1 Кор. 15, 55)*

**Возлюбленные о Господе пастыри, всечестные иноки и инокини,
дорогие братья и сестры!**

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Поздравляю всех вас, мою любимую и дорогую паству, в светносный праздник Пасхи Господней.

Подобно долгожданному живительному источнику вновь радость Воскресения Христова переполняет наши сердца. Эту сокровенную радость нельзя забыть, её невозможно отнять, те жизненные испытания, которые мы встречаем, не могут нас её лишить, даже сумерки ночи не могут её затмить. Но от сердца к сердцу она передаётся торжествующим пасхальным приветствием:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Как залог вечной радости будущего века, благая весть о Воскресшем Господе наполняет собою весь тварный мир. Всюду звучит эта прекрасная Небесная песнь, объединяющая наш дольний мир с миром горним.

Вся Вселенная воспевает Иисуса Христа, разрушившего смерть (2 Тим. 1, 10). Отныне во Христе мы рождаемся для новой жизни и в Нём побеждаем смерть. Святитель Иоанн Златоуст так раскрывает эту

тайну: «Если мастер увидит, что золотая чаша повреждена и в ней есть трещины, то он бросает её в огонь, расплавляет и из золота вновь выливает другую чашу. Так и сделал Господь, Он не уничтожил смерть на земле, но превратил смерть – в рождение, в новую жизнь». Началом вечной пасхальной радости будет для нас смерть, если мы потрудимся обрести обновлённую жизнь

во Христе. Для этого нужны и наши усилия, и благодатная помощь, которую мы обретаем в Церкви Христовой. Господь дал Своей Церкви все средства для нашего спасения. Церковные таинства, богослужения, молитвы, посты – всё это сокровенные ключи, которые открывают нам таинственную дверь в вечную жизнь со Христом.

Человечество со времени изгнания Адама искало Бога, желало обрести Его, но потребовались сотни веков для того, чтобы оно подготовилось принять апостольское благовестие о Воскресении. Людям, живущим в третьем тысячелетии от Рождества Христова, надо помнить, что христианство – это великий дар, ценнейшее сокровище человечества, пренебрегая которым оно лишается самого основания и цели своего существования. Идею христианства священиком Ириной Лионский выразил короткой, но ёмкой фразой: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». В этих словах отражено истинное достоинство человека, его высокое

предназначение. Христианин должен быть не просто хорошим человеком. Христианство – это движение к совершенству. Каждый, во Христа крестившийся, должен облечься во Христа (Гал. 3, 27), идя тернистым путём Евангельских заповедей всю свою жизнь. Этот путь не простой, с множеством испытаний, но его христианин должен пройти, должен перенести все испытания.

Мы с вами вошли в дни радости светоносной Пасхи, пройдя отрезок жизни длиною в Великий пост, во время которого мы старались достойно подготовиться к встрече Воскресшего Господа. Христос Спаситель победил смерть на Кресте, и мы входим в Воскресение Христово через крест непримиримой борьбы с грехом в своём сердце и в своей жизни. Мы становимся причастниками Пасхи Господней в той мере, в какой отказываемся от гордости и всех её проявлений, особенно самолюбия, неприязни, злопамятства, зависти, осуждения. По мере очищения сердца от гордости и эгоизма, в нём освобождается место для веры и праведности, для христианской любви, которая выражается во всепрощении, долготерпении, любви, самоотверженном служении ближним.

Там, где есть истинная христианская любовь, нет себялюбия и своекорыстности, нет раздражения и превосходства над другим человеком. Преподобный Феодор Студит писал, что любовь «всюду презирает своё в пользу ближнего». Из любви к окружающим, к своим близким и родным мы должны отказываться от всего, что способно причинить им нравственный, духовный или

физический вред. Любовь пре-дусматривает жертву ради любимого, желание послужить ему. Истинная любовь не позволит оскорблять чувства ближнего. Даже если это тяжело, забота о других приносит радость. Как мать, невзирая на усталость, заботится о своих детях, так и все члены семьи или церковной общины должны проявлять заботу друг о друге, стремиться уступить, принести радость в жизнь ближнего и с любовью потерпеть недостатки других.

Только опытом и примером своей жизни мы можем научить христианской любви наших детей. Постараемся в текущем году, официально объявленном годом молодёжи, больше внимания уделять подрастающему поколению – детям, подросткам, юношеству. Мы должны прививать им любовь к Богу. Мы обязаны раскрыть им древнюю истину, истину двух путей, лежащих перед каждым человеком – ответить на зов Божий, стать причастником Его благодати, быть в числе детей Божиих и сонаследников Христу (Рим. 8, 17) или пойти по широкой дороге греха и похоти в безумной, бесконечной гонке за тленным, временным и скоропроходящим.

На нас, взрослых, лежит ответственность за воспитание подрастающего поколения, способного противостоять греховной направленности современной жизни. От нас они должны узнать, что кроме познания окружающего мира по школьным учебникам, куда более важно шаг за шагом, кропотливо и неустанно учиться вести работу над своей душой, что достичь чистоты сердца гораздо труднее и сложнее,

чем запустить космический корабль, исследовать океанские глубины или создавать новые поколения компьютеров. Кто как не мы, взрослые, раскроет им красоту Евангельских истин, научит их различать добро и зло в своих поступках, желаниях и мыслях, введёт их в церковную ограду, поможет им сделать первые шаги в духовной жизни. Будем усердно молиться о том, чтобы Господь был помощником в нашем попечении о детях и молодёжи, чтобы Он затеплил неугасающую пасхальную радость христианской веры в их неокрепших душах.

Сегодня светлая Пасха Господня, и пусть всё горестное и безотрадное растворится в радости победы Христа над смертью. В этот день Церковь особо напоминает нам, что врата вечной жизни открыты для всех людей. Мы видим отверстыми Царские врата храмов, в которые невидимо входит Небесный Архиерей. Пусть же каждый смиренно откроет своё сердце для Воскресшего Господа, и оно воспримет от сна теплохладности, внутренне исполняясь пасхальной радостью:

**ВО ИСТИНУ ВОСКРЕСЕ
ХРИСТОС!**

Смиранный

**Митрополит Калужский и
Боровский**

*Пасха Христова,
г. Калуга
6/19 апреля 2009 года*

Пасха – победа над последним врагом –

«Возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем». (Рим. 6 : 23)

СМЕРТЬЮ

Человечество давно смотрит в лицо смерти, Христос её победил. К сожалению, сейчас человек утратил какое-то важное измерение своей жизни и не менее важное измерение своей смерти.

Для многих древних цивилизаций жизнь обрела смысл перед лицом смерти. Для современной цивилизации наоборот – смерть теряет смысл перед лицом жизни. Какие интересные перипетии можно наблюдать на тех же Британских островах. Строители знаменитого Стоун Хенджа не менее 80% своих сил и ресурсов тратили на возведение запустевшего комплекса, не жалея ничего ради преодоления смерти. В Англии же XX века разговоры о смерти в обществе – дурной тон.

Как некое протестное явление такому замалчиванию, в молодёжной среде распространилось извращённое смакование физиологической смерти, некрофилия (Gon Maiden всем известна. Другой пример: бездарные, в культурологическом и религиозном плане, голливудские фильмы о древних цивилизациях («Мумия» и проч.) повествуют о яко бы имевшем место диком и ненормальном отношении людей к умершим, к смерти. Вместо тайны смерти и воскресения нам показывают магию оживления полупозабывшихся трупов.

Любая религиозная практика ставит своей задачей победить смерть, но современная жизнь стремится к принципиально иному – забыть о смерти, выбросить её из памяти, будто бы её нет. А называемая идея смерти – это проблема психиатрии, и человека, охваченного такой идеей, надо лечить. Ожидается, что «нормальный» человек будет петь и смеяться, как дитя, упорно трудясь над созданием прибавочного продукта. Когда же трудовая единица морально и физически будет порядком изношена, то ей предложат лёгкий выбор – добровольный (пока) и лёгкий (этимология слова эвтаназия

– лёгкая смерть) уход из жизни.

85% французов уже за легализацию эвтаназии в своей стране, в стране где зарождалась и крепла европейская религиозная и философская мысль! Ни одна религия не приемлет самоубийства! Почему? Потому что наша жизнь нам не принадлежит, это дар. Результат нашей жизни здесь как-то скажется на нашем существовании там. «Время, данное нам Богом для того, чтобы в течение его мы стяжали рай, драгоценно, как и сам рай», – говорит преподобный Николай Святогорец.

Наши доморощенные атеисты боятся не смерти, а боятся реальности инобытия, для очень многих смерть – прекрасный конец, если за ним ничего нет. Агрессивное отрицание «ничего там нет!» – это, по мнению А.Б. Зубова, скорее, попытка защититься от собственного несовершенства.

Современная цивилизация и религию готова понимать только как реакцию на страх смерти (в этом был убеждён Зигмунд Фрейд). Животные не боятся смерти, ими руководит только инстинкт, поэтому переживание своей смертности – это издержки исключительно человеческого психики, её субъективности.

На деле же смерть – реальность настолько противоположенная,

что всё в мире, любая тварь трепещет перед ней. Её не должно быть, и всё живое реагирует на смерть однозначно – «Нет!»

Смерть – следствие катастрофы адова грехопадения. Горькое лекарство, единственное, что может заставить нас вырасти в меру жизни. Христос, как богочеловек, разделит с нами всё, чем являемся мы, своею смертью даровав нам жизнь. Победа уже одержана, всякое страдание побеждено, всякая смерть имеет смысл! Всякая трагедия преозвйдена, включена в богочеловеческое становление, где она обретёт вечный смысл. Теперь по слову митрополита Антония: «Надо готовиться не к смерти, надо готовиться к вечной жизни».

Рассмотрим ещё один аспект. Всем знаком комедийный обыгрыв отнюдь не шуточный аксиомы: «Memento mori» («Помни о смерти!» (лат.) – прим. ред.), «помни последняя твоя», – говорит аскетическая традиция. Дело в том, что осознание своей смертности несёт с собой острое чувство жизни, особенную чуткость к динамике жизни. Может быть, на следующем нашем поступке упадёт занавес и на нём окончится "человеческой жизни празднество", как поётся в Покаянном каноне. «Времени исправить что-либо не остаётся, нельзя сказать себе: пока что я пишу черновик жизни, позднее я перепишу её начисто. Времени уже нет!», – предостерегает владыка Антоний.

«Мы умерли для греха: как же нам жить в нём?» (Рим. 6 : 2) – восклицает апостол Павел. Покаяние, полный поворот, "живительная смерть" благодаря которой мы говорим: теперь я стал чужд греху, которому поклонялся и служил, который любил. Это – "живительная смерть" потому, что это – смерть для ложной жизни греха, это – смерть для смерти; нам предлагается и предстоит подлинное обновление.

Человечество давно смотрит в лицо смерти... Христос её победил!

Максим ЛИХОНИН

Что для нас Пасха?

Беседа с протоиереем Димитрием Моисеевым, кандидатом богословия, о Пасхе

— Когда у одного иеромонаха спросили, что такое Пасха, — он ответил: «Это очень трудно объяснить. У меня есть друг, ему за семьдесят. Так вот он недавно сказал, что год за годом понемногу стал приближаться к пониманию того, что такое Пасха. Но даёт это трудно».

Что же такое Пасха в историческом и в духовном аспектах?

— В историческом смысле Пасха — это праздник Воскресения Христова. В этот день вспоминается конкретное событие, когда Господь после распятия в пятницу и пребывания во Гробе в субботу в третий день воскрес. Духовный же смысл Пасхи заключается, в первую очередь, в том, что благодаря Воскресению Христову, нам дана возможность соединиться с Богом. Многие святые отцы повторяли одну и ту же замечательную фразу: «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом». То есть Воскресение Христово даёт возможность каждому человеку стать богом. Конечно, богом с маленькой буквы, богом по благодати, тем не менее, вновь вернуться в состояние нетления и Богообщения, стать причастными самому Богу и той радости, того блаженства, для которого и был создан человек. Без Воскресения Христова такое возвращение человека к Отцу Небесному было бы невозможно. Именно поэтому Церковь всегда боролась с различными ересями, которые отвергали либо человеческое естество Христа, либо Божественное Его достоинство. Поскольку если Христос — не Бог или не Человек, то получается, что мы не можем стать богами по благодати. Только при соблюдении всех условий, которые мы называем православной догматикой, вероучением, возможно возвращение человека в недра Отчее, то есть обожение. Если же что-то в этом вероучении изменить, то такая возможность для человека исчезает. Именно поэтому Православие всегда чётко и верно держалось своего вероучения, поскольку оно и только оно открывает перед человеком правильные перспективы духовной жизни и ставит перед верующим правильную цель.

Соответственно, для каждого христианина Пасха — Праздник великой церковной радости: мы вспоминаем то событие, которое продолжается в веках. Христос воскрес единожды две тысячи лет тому назад, но Он даёт возможность со-воскреснуть с Ним каждому христианину и поныне. Как говорил преп. Симеон Новый Богослов, накануне каждого воскресного дня мы поём «Воскресение Христово видевше». И казалось бы, как мы можем петь «видевше», если не видели того события, которое произошло достаточно давно. Воскресение Христово мы должны увидеть в своей собственной душе. Потому что если не увидим в себе это воскресение Спасителя, не увидим того, что меняется в нашей жизни, благодаря Христу, то, соответственно, мы не будем настоящими христианами.

— *Какие ветхозаветные события являются прообразами Воскресения Христова?*

— Прообразом Воскресения Христова, в первую очередь, является ветхозаветная Пасха, то есть освобождение народа израильского из состояния рабства (исход из Египта).

Само слово «Пасха» в переводе на русский язык и означает «переход». Как ветхозаветная Пасха была переходом от состояния рабства к состоянию свободы, так же и теперь новозаветная Пасха — это переход от состояния рабства греху к состоянию свободы сынов Б-

жних. И если мы станем настоящими христианами, то сможем перейти из тления в нетление. Надо сказать, что у святых отцов очень много проводится различных параллелей между конкретными историческими событиями земного порядка, происходившими во времена Ветхого Завета, и какими-то духовными реалиями, которые дал нам Завет Новый, благодаря Воскресению Христа. Прообразом тридневного пребывания Христа во Гробе и дальнейшего Воскресения является пребывание пророка Ионы во чреве кита. Собственно говоря, есть масса других ветхозаветных событий, так или иначе символически отображающих то, что совершилось в новозаветной реальности с пришествием Христа — Мессии. Думаю, если кому-то интересен весь ряд прообразов, связанных с этим праздником, то я предложу такому человеку почитать Ветхий Завет, желательно со святоотеческими толкованиями или хотя бы какую-то литературу, посвящённую этим событиям. Потому что говорить об этом можно очень много и долго.

— *Канун самой строгой последней недели Великого поста — Страстной — приходится на Вербное воскресенье, праздник Входа Господня в Иерусалим. К сожалению, один из участников недавней Всероссийской олимпиады по "Основам православной культуры" написал: "Когда Иисус ехал в Иерусалим на ишаке, Он сорвал ветку вербы, чтобы погонять ишака. Впоследствии этой веткой Он исцелял больных. С тех пор люди в Вербное воскресенье слегка бьют друг друга освящённой веткой вербы для того, чтобы не болеть".*

Скажите, пожалуйста, что нужно делать с освящённой вербой, ведь с этим символом связано множество суеверий?

— С освящённой вербой делать ничего не нужно: это не та вещь, которая должна нести в себе какой-то практический смысл. Освящённая верба — это символ тех пальмовых ветвей, с которыми люди встречали Христа, когда Он входил в Иерусалим. Мы освящаем её совсем не для того, чтобы потом не

болеть, благодаря использованию этой вербы, или иметь большое поголовье скота или какие-то другие вещи... Не для решения земных проблем даны нам священные символы. Традиционно христиане присутствуют с этими освящёнными вербами на богослужении праздника Входа Господня в Иерусалим. Затем их относят домой и полагают (кладут) в хорошем благочестивом месте, например, возле икон или там, где у человека хранятся какие-то другие святыни. Ни заваривать её в чай, ни стегать ею шапок или друг друга – не надо. Это уже будет язычеством и кощунством. К сожалению, языческое сознание живо и во многих христианах, поэтому попытка получить земную практическую пользу от священных предметов трудно искоренима и трудно изживаема в церковном сознании. Хотя Церковь постоянно говорит, что христианству это никакого отношения не имеет. Спаситель пришёл не для того, чтобы наши ишаки не болели. По крайней мере, Господь мог сделать так, чтобы ни один человек и ни один ишак не болел и без пришествия Христова. Все болезни, страдания и скорби посылаются нам совсем для других целей, и для того, чтобы от всего этого избавиться, нужно не просто вербами друг друга постегать, а необходимо поменять свою жизнь в корне.

– Курьёзный случай из приходской жизни рассказал один священник: «Как-то после литургии на Вербное воскресенье в храм вошли две дамы, которые сразу направились в угол, где стояла большая ветка вербы. Женщины были хорошо одеты и, судя по виду и разговору, были образованными, так сказать, далеко не из простых. Дала стрелительным шагом подвела свою дочь к вербе и они начали обрывать с неё серёжки. Девушка набрала целую пригоршню серёжек, отравила её в рот и стала старательно пережёвывать. По выражению её лица было видно, что серёжки от вербы явно не очень вкусные... Немного оправившись от шока от всего увиденного, я, еле сдерживая слез, подошёл к ним и спросил: «Что вы делаете?» Мамаша этой несчастной девушки – жертвы жуткого суеверия, ничуть не сожалея, говорит: «Понимаете, батюшка, моя дочь никак не может забеременеть. И вот нам подказали верный способ: прийти в храм, нарвать вербы и съесть не-

сколько штук. Тогда всё отверзнется и благословенное зачатие наступит».

– К сожалению, люди готовы слушать кого угодно, вместо того, чтобы идти «тесным путём» настоящего духовного христианства.

– Как мирянин должен веселиться, отмечая праздник Пасхи вне храма, чтобы при этом не согрешать?

– Пасха – это самый радостный для христианина праздник, который хочется отметить не только духовно, но и душевно, и телесно, поскольку человек всё-таки не только духовное, но и телесное существо. Поэтому ничего криминального в том, что на Пасху даётся утешение плоти, нет. Но здесь важно не перейти определённую границу. Так как одно дело – дать утешение своей плоти, и другое – дать возможность телу почувствовать себя «королём» на этом празднике жизни. Такого допускать ни в коем случае нельзя. И здесь всё определяется духовностью человека. Если для него Пасха что-то значит в духовном смысле, то он, конечно, найдёт границу, до которой можно и нужно разговляться и веселиться на Пасху. Если же человек смысла этого Праздника не понимает, то есть Пасха для него стоит в ряду других праздников и воспринимается, как повод лишний раз выпить и повеселиться, то, наверное, тут трудно что-либо говорить. Нас просто не поймут. Поэтому, думаю, в меру разговеться и выпить вина на Пасху грехом не будет, но всему должен быть предел. И если человек держит в своём уме понимание того, что Пасха – в первую очередь, праздник Воскресения Христова, а значит, и воскресения нас с вами, понимает важность этого события, то такой христианин сможет удержаться от греховных крайностей во время праздника.

– В общем, как сказал один священник, этот праздник надо отмечать ради Христа и заповеди нужно соблюдать – ради Христа. Если так станешь жить, то и пады не будешь. Необходимо, чтобы в мыслях постоянно было: «Всё делаю ради Христа».

– Конечно. Людей, готовых веселиться до упаду, потому что это просто разрешено, было много во все века. И у святителя Василия

Великого, это IV век, есть замечательная проповедь в Светлую Субботу, сказанная против упивающихся, против тех православных, которые настолько неумеренно праздновали Светлую седмицу, что «погубили плоды Великого Поста». Зачем они постились и пытались во время поста стяжать какие-то духовные плоды, если всё это погубили на Светлой седмице?.. То есть если мы постимся, то делаем это не просто, чтобы дождаться Пасхи и расслабиться. Мы постимся для того, чтобы научиться господствовать над своими страстями или хотя бы для того, чтобы познать их в себе. Если эта цель присутствует, то, наверное, Пасха будет не просто поводом сесть за хороший стол, а именно венцом наших духовных подвигов.

– Воздержание – это образ жизни. Если эту мысль держать в голове, то она тоже, наверное, помогает сохранять умеренность?

– Конечно.

– Не секрет, что многие в пасхальные дни устраивают себе «праздник живота», были даже случаи смерти от передания. Верно заметил один священник: «Мы любой подвиг, любую борьбу воспринимаем как что-то временное, после чего можно расслабиться и утешиться, и Пасху ожидаем как утешения, утешения именно плоти, не души». Как научиться воздерживаться за праздничным столом, ведь плоть просто криком кричит: «Пост закончился!»? И вообще, как с пользой для души и тела нужно выходить из строгих постов? Дайте, пожалуйста, практические рекомендации.

– Если христианин воспринимает пост как нечто такое, что ему соблюдать совершенно не хочется, то он вынужден это делать, то, разумеется, тогда человек будет горячо желать, чтобы пост быстрее закончился, и началась Пасха. Ну, а если человек, хотя бы минимальный, подвиг несёт, понимая необходимость и полезность воздержания для самого себя, то для него Пасха будет уже не праздником «живота», а днём духовной радости. Необходимо ожидать Пасху как христианский праздник, а не как торжество вседозволенности.

Вообще, выходить из строгих постов нужно с разумением, трезво оценивая состояние своего здо-

ровья и предвидя последствия возможного переедания. Тем более, что вся Светлая седмица является сплошной и никто не заставляет нас всё то скоромное, что мы осыяти, съест в первый же день Пасхи. Отказываться от мяса на Пасху (как советуют некоторые диетологи) я не вижу смысла: всё-таки на лёгкой пище и на соках мы «сидели» весь пост. Обедаться, конечно, не стоит, но небольшое количество мяса на Пасху не повредит.

– Считается, что на Светлой седмице можно причащаться каждый день без предварительного поста. Нужно ли причащаться ежедневно в эти Светлые дни? Надо ли воздерживаться от супружеских отношений в течение Светлой седмицы, ведь в это время не совершается браковенчание?

– Понимаете, нельзя к Причастию подходить потребительски: можно или нельзя воспользоваться, грубо говоря, «халаяйю» – тем, что в эти дни поста нет. Причастие – это соединение со Христом, величайшее Таинство, которое Господь дал Своей Церкви. И если во время Светлой седмицы ходить причащаться каждый день без подготовки и поста, то такое причастие очень мало кому сможет принести духовную пользу. Только тем людям, которые круглый год живут сознательной церковной жизнью.

– А теоретически это возможно?

– Теоретически мы должны делать то, что нам духовно полезно. Сомневаюсь, что 99% наших прихожан могут без духовного вреда для себя причащаться на Светлой седмице без подготовки. Апостол Павел предупреждает: «Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьёт из чаши сей. Ибо, кто ест и пьёт недостойно, тот ест и пьёт осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (1 Кор. 11:27-29). Хотите получить осуждение себе?..

– А в современном Православии не принято причащаться на Светлой неделе?

– В современном Православии это, действительно, не принято. Дело в том, что среди нынешних православных, как я уже говорил,

очень мало людей, ведущих круглогодично подлинную духовную жизнь. То есть тех, кому такое частое причастие пойдёт на пользу.

– Если не ошибаюсь, то, в основном, рекомендуют причащаться в Великий Четверг.

– Можно причащаться в Великий Четверг, а можно – в Великую Субботу или на Пасху. Но после Пасхи, когда мы уже ослабили подвиг воздержания: начали разговляться и предаваться всё-таки утешению плоти, то, наверное, сохранить трезвость духа, как в Великий пост, могут очень и очень немногие. Поэтому не думаю, что есть необходимость причащаться на Светлой седмице без подготовки. Хотя готовиться и поститься на Светлой седмице тоже неуместно... Поэтому на этой неделе традиционно причащают либо маленьких детей, либо тех, кому по тем или иным жизненным обстоятельствам крайне необходимо причаститься именно на Светлую седмицу: кто-то ложится на ответственную операцию, у кого-то предстоит какое-то ещё, не менее ответственное, дело. В таком случае – да, посоветовавшись с духовником, думаю, можно найти оптимальный способ, как порадоваться Светлому Христову Воскресению, так и достойно подготовиться к Причастию.

– А как насчёт супружеских отношений на Светлой седмице, ведь в церковном календаре указано, что браковенчание в этот период не совершается?

– Действительно, венчание на Светлой седмице не совершается. А что касается супружеских отношений, то каноны Церкви ничего об этом не говорят. Поэтому, думаю, каждый человек сам для себя решает подобный вопрос. Если относительно дней поста можно сказать однозначно, что пост есть время удержания в воздержании не только в пище, но и в супружеских отношениях, то относительно Светлой седмицы известно, что такого запрета нет.

– От некоторых благочестивых женщин слышал, что надо воздерживаться от интимных отношений не только во время беременности, но и в период кормления грудью. Это, действительно, так?

– Здесь можно говорить так, что

вообще идеал для христианина – это безбрачие, как учит апостол Павел. Сам Господь говорит: «Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит». То есть не все могут понести такой подвиг, а лишь те, кому дано. Аналогично этому идеал семейной жизни – когда супруги живут, как брат и сестра, об этом мы читали у святых Отцов. В ранние времена были христиане, которые формально вступали в брак, но реально не жили супружеской жизнью, а проводили жизнь духовную, будучи друг другу как брат с сестрой. Если это было не по силам, то некоторые брали на себя подвиг вступать в супружеские отношения только чадородия ради. К тем, кто и такого подвига понести не мог, обращены слова апостола Павла: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве только по взаимному согласию для упражнения в посте и молитве». Поэтому если муж и жена, зная свои силы, примут решение воздерживаться от интимных отношений в период кормления грудью, то это будет подвиг воздержания.

– Вспоминаются слова протоиерея Глеба Каледы: «Иногда приходится встречаться с женщиной, что всякие отношения полов – это либо грех, либо извинительная и допустимая слабость», а также правило полестного Гангрского Собора: «Аще девственник буде превозносится над бракосочетавшимися, да будет под клятвою» (то есть отлучен от Церкви).

Мы, христиане, говоря словами отцов полестного Гангрского Собора, «и девство, со стирением соединённое, чтим... и брачное честное сожителство почитаем» (правило 21).

А что, супружеские отношения в период кормления грудью оскверняют молоко или это считается грехом?

– Нет, это никого и ничто не оскверняет, и молоко тоже никак не оскверняется. И вообще, подобного рода отношения в период грудного вскармливания грехом не являются. Если кто-то себя в этом ограничит, то просто возьмёт на себя подвиг воздержания. Апостол Павел пишет: «Во избежание блуда, каждый имей свою жену» (1 Кор. 7:2). Он не говорит, что в брак нуж-

но вступать только ради чадородия. Это уже христианский подвиг, на который способны не многие. Поэтому требовать, чтобы все жили так, как некоторые подвижники, невозможно.

Есть заповеди, нарушение которых является грехом, и есть некие более высокие идеалы, соответствие которым приветствуется, а несоответствие – не грешно. Это своего рода духовная немощь, не закрывающая перед человеком путь ко спасению. Хотя если человек настроен в браке только на интим, то, конечно, это грех, смещение жизненных идеалов и целей с горнего на дольнее. Просто в брачных отношениях существуют разные степени воздержания. Кто-то может воздерживаться не только в Великий пост, но, например, до Пятидесятницы. А там Петров пост сразу. Так полгода можно воздерживаться. Каждому – своё...

– Но на это необходимо согласие обеих сторон...

– Конечно, это должно быть трезвое и осознанное решение супругов, и оно должно быть им по силам. Потому что если я буду воздерживаться от жены, но при этом стану с трепетом проходить мимо каждой женщины, заглядываясь на неё, или жадно бросать взгляды на красавиц с обложек глянцевого журналов, то я больше нагрешу, нежели приобрету добрых плодов от такого подвига. Поэтому здесь всё должно быть разумно и в меру.

Есть многочисленные советы святых о том, что если из двух супругов один духовно более сильный, чем другой, то поступать нужно так, чтобы не искушать немощного. Ибо то, что сильный может понести, для немощного может оказаться погубительным.

– Что делать человеку, если по каким-то причинам в Светлое Христово Воскресение он не имеет пасхальной радости?

– Здесь всё зависит от того, что это за причины. Если они зависят от человека, то он сам виноват, что допустил какие-то события в своей жизни, которые не позволяют ему возрадоваться в Светлое Христово Воскресение. Как правило, это связано с человеческими грехами, и грехами достаточно серьёзными. И тут только одно средство – искреннее и глубокое покаяние. А если человек, действительно, очистил

себя во время Великого поста покаянием, если он живёт церковной жизнью, то хотя бы минимальная радость у него всё-таки будет, несмотря ни на какие внешние житейские обстоятельства. Потому что, подавая скорби, Господь подаёт и утешение. Не бывает человеку искушений, которые бы превышали его силы. Бог даёт человеку только то, что полезно для его духовного роста и развития. Мы, наверное, не можем однозначно сказать, почему кто-то в Светлое Христово Воскресение не имеет пасхальной радости и что нужно сделать, чтобы ему выйти из этого состояния. Здесь всё индивидуально и нужно смотреть на духовное состояние верующего.

– Прочитал у отца Родиона Путятина, что если у человека нет на Пасху радости, то ему можно перед Христом просто поплакать, поговорить с Ним своими словами, объяснить, о чём болит душа, и что Сам Бог ради этого светлого Праздника найдёт способ, как человеку помочь. То есть можно и поплакать даже, тогда будет и радость.

– Я здесь с ним полностью согласен.

– Почему Церковь освящает пасхи и куличи?

– На самом деле, Церковь освящает любую пищу. Накануне Пасхи освящаются не только куличи, но и мясо, яйца, сыр. Только мясо освящают возле храма, а всё остальное можно вносить внутрь дома Божия. Строго говоря, по Уставу освящается пасхальная трапеза. То есть после пасхальной литургии совершается благословение яств с особой молитвой и, по сути, даётся благословение на разговление. Но поскольку в современной ситуации это не всегда удобно и не все могут освятить свои пасхальные снеди именно после Пасхальной божественной литургии, то освящение проводится днём в Великую Субботу. Смысл этого обряда в том, что Церковь призывает вкусить эту пасхальную трапезу с благодарением Богу и пониманием: всё что нам даётся – это дары Свыше, которые приходят от Бога. И если мы эту трапезу будем вкушать с благоговением и благодарением, то от этого тоже получим духовную пользу. О чём, собственно говоря, мы и молимся, ос-

вящая и пасхи, куличи и другие скоромные вещи.

– Артос (освящённый хлеб) в продолжение всей Светлой седмицы занимает в храме самое видное место и, в заключение пасхальных торжеств, раздаётся верующим как духовное врачевство от душевных и телесных болезней. Расскажите об этом подробнее, как правильно хранить и принимать артос, например, во время болезни?

– Артос – это освящённый хлеб. Он освящается в воспоминание тех событий, когда Христос после Своего воскресения являлся апостолам и преломлял с ними хлеб. Опять же, артос освящается Церковью на Пасху и в течение всей Светлой седмицы он находится перед иконостасом. А в Светлую Субботу раздробляется и раздаётся верующим. Церковная традиция предписывает употреблять артос благоговейно; его можно принимать и во время болезни с молитвою.

– А молитва должна быть специальной (особой) или просто можно помолиться своими словами?

– Думаю, здесь не надо регламентировать обращение к Богу какими-то особыми словами. Если у человека есть болезнь или какая-то житейская потребность в особой Божественной помощи, то он прибегает к святыням...

– То есть, особой молитвы нет перед приёмом артоса?

– Не знаю, наверняка, кто-то когда-то написал такую молитву, но общецерковного применения она не имеет. Хранить артос нужно благоговейно, то есть в таком месте, где не допускается осквернение и смещение с житейскими вещами. Ну, и, соответственно, чтобы он не испортился, желательно употребить артос в течение года. Скапливать многолетние запасы артоса дома, конечно, не хорошо. Он принимается натощак со святой водой, как и просфоры.

– Первые воскресшего Христа увидели жёны-мироносицы. Их не испугала ни темнота, ни пустыньность места, ни стражи, приставленные ко гробу. Хотя Апостолы, напуганные произошедшими событиями, в это время закрылись в горнице. Значит, чтобы встретить воскресшего Христа,

помимо любви, необходимо стяжать ещё и мужество?

– Наверное, не только, чтобы встретить воскресшего Христа, но и чтобы принять Его, быть с Ним, помимо любви, действительно, необходимо мужество. Потому что, становясь христианами, мы делаем осознанный выбор, обретаем смысл жизни и её цель. Мы понимаем, что избрали узкий путь и что, возможно, нам неоднократно придётся отстаивать свой выбор. И поэтому при любых обстоятельствах, когда нас поставят перед необходимостью выбрать между Христом и чем-то ещё, то, конечно, мы должны делать выбор в пользу Спасителя, чем бы это нам ни грозило, вплоть до смерти. Жёны-мироносицы имели такую решимость, такую любовь и мужество, что готовы были идти к гробнице Христа, прекрасно понимая, что с ними могли сделать, попадись они в руки тем, кто Христа ненавидел. Но Господь утешил их явлением Своим собственным, показав им Своё Воскресение первым.

– Празднование Пасхи продолжается 40 дней, именно столько пребывал Христос с учениками после Своего Воскресения. В третий воскресный день после Пасхи наша Церковь прославляет подвиг святых жён-мироносиц. Как следует отмечать этот православный женский день? Можно ли считать, что для православных этот праздник альтернативен 8 Марта?

– Думаю, что не стоит называть праздник жён-мироносиц православным женским днём. Всё-таки в день жён-мироносиц мы отмечаем не праздник женщин как таковых. Мы почитаем их не за то, что они – женщины, а за их духовный подвиг. Кстати, в этот день празднуется не только память жён-мироносиц, но и святых праведных Иосифа и Никодима, которые женами не были.

– Я от многих православных слышала, что 8 Марта православными не принято отмечать. Такие люди обычно говорят: мы будем чествовать своих женщин в день жён-мироносиц.

– Наверное, тех православных женщин, которые хотят иметь свой женский день, ждут поздравлений просто за то, что они – женщины, и не желают отмечать 8 Марта как

праздник революционный, приходящийся на пост, думаю, вполне можно поздравлять и в день жён-мироносиц. Но христианство выше само по себе, и смысл этого праздника гораздо более глубокий, нежели просто чествование прекрасной половины человечества. Поэтому, думаю, наши дорогие женщины когда-нибудь перерастут этот уровень в своей духовной жизни и станут отмечать этот день не как альтернативу 8 Марта, а как день памяти тех, кто был верен Христу во всех обстоятельствах. Действительно, апостолы разбежались после ареста Христа, а жёны-мироносицы пребывали с Ним до конца, вплоть до его смерти на Кресте. И затем пришли к Нему первыми. То есть здесь отмечается не просто женский день, но превозносится именно такие любовь и мужество, которые сделали этих жён-мироносиц способными и готовыми быть со Христом везде и во всех обстоятельствах. То есть чувствуется именно духовный подвиг, а не женское естество как таковое.

– В России издревле пасхальными яйцами «христосовались» – разбивая по очерёдности разные концы – некоторые при этом ещё приговаривали: "Пусть ваша жизнь будет круглая, как яичко" (то есть без сучка и задоринки). Крестяные пасхальные яйца катали по земле, чтобы она была плодородной, кто-то, в силу суеверий, крашенные яйца бёрёг в течение года, чтобы использовать как защиту дома от пожара. А детишки раньше устраивали «покатушки» – у кого яйцо дальше укатится...

Почему принято дарить друг другу пасхальные яйца? Как правильно, благоговейно нужно относиться к этому освящённому предмету, тем более, что сейчас на яйцо стало модно ещё наклеивать изображение святых? Куда потом девать разбитую скорлупу?

– Что касается традиции дарения пасхальных яиц, то, думаю, все наши читатели знают предание, которое гласит, что святая равноапостольная Мария Магдалина, проповедуя императору Тиверию, натолкнулась на неверие с его стороны. Он ей сказал: «Человек не может воскреснуть, так же как и белое яйцо не может само стать красным». И тогда Господь дал такое знамение, что белое яйцо покраснело, тем самым подтвердив проповедь Марии Магдалины. Поэтому на праздник

Пасхи люди традиционно красят, освящают яйца и дарят их друг другу. Но относиться к этому нужно трезво: нельзя воспринимать пасхальное яйцо как некий оберег, который сохранит человека от каких-то бед земного характера. Потому что хранит нас Сам Господь, без амулетов и тагисманов. Более того, церковные каноны повелевают отлучать от Церкви тех, кто в качестве оберега носит либо крест Господень, либо образ кого-то из святых. То есть отношение к нательному кресту, к образам должно быть благоговейным, но не языческим. Если нам дарят макет яйца (изготовленный из дерева или из камня, или из металла, или из фарфора), то относиться к нему нужно как к пасхальному сувениру, который не несёт сам по себе каких-то магических свойств и по своей сути святыней не является.

Если же нам подарили пасхальное яйцо, натуральное, то нужно его с благоговением съесть. Однако поскольку пасхальное яйцо всё же освящено, то, думаю, скорлупу надо не выбрасывать в мусор, а утилизировать её более благоговейно. В древности в крестьянских хозяйствах проблем с этим не возникало: она либо сжигалась, либо закапывалась. Сейчас в городских условиях это вызывает большую трудность. Призываю не набирать себе освящённых яиц десятками, чтобы потом не было проблем с их утилизацией. А вообще, дело совести, как к этому относиться. Апостол Павел говорил, что всё, что не по совести – грех. То есть, если совесть человека говорит о том, что скорлупа освящённая и не надо её просто так выкидывать, то не преступай через свою совесть. А изображения святых наклеивать на яйца, полагаю, не совсем уместно.

– А «христосоваться» освящёнными яйцами можно?

– Яйцо освящается не как святыня. То есть нет чинопоследования превращения яйца в какой-то предмет, служащий источником благодати Божией. По сути, христианин должен благословлять каждый свой приём пищи. Да, греховного в «христосовании» пасхальными яйцами ничего нет. Но и видеть в этом какое-то благочестие тоже не стоит. Это народная традиция, которая ни хороша, ни плоха сама по себе, а носит духовно нейтральный характер.

Беседовал Андрей СИГУТИН

Помните о нашей Победе!

Всё дальше в глубь истории уходят трагические события Великой Отечественной войны. Всё дальше в глубь времён отодвигается дата 9 мая 1945 года – День нашей героической и великой Победы.

Когда ещё в 1918 году войска Кайзера Вильгельма II устремились на Украину, в Крым и на Кавказ с целью захвата наших земель и порабощения нашего народа, известный германский публицист Максимилиан Гарден предупредил кайзеровских милитаристов: «Читайте историю России, это очень полезное занятие».

В самом деле, изучение истории Руси, охраны её рубежей, борьбы её народов за свободу и независимость, не только интересно в познавательном плане, но и поучительно. Живые картины минувшего напоминают о неизбежном крахе захватчиков, в каком бы количестве они не появлялись у ворот нашего дома.

Не доходят до наших врагов слова полководца Александра Невского, обращённые к захваченным и отпускаявшимся на родину служак немецких рыцарей: «Скажи всем в чужих краях: кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Русская земля!»

...Минуло шестьдесят четыре года, как нашим народом, его героическими Вооружёнными Силами был в прах повержен германский фашизм, вдребезги разбита его мощная военная машина и тлетворная идеология. Победа над фашизмом имела огромное всемирно-историческое значение. Все прогрессивно мыслящие люди мира ясно сознавали, что в случае победы Гитлера история человечества была бы отброшена на десятилетия назад. Даже такой демократ, как Андрей Сахаров, говорил: «...Убеждён, что поражение в войне с германским фашизмом было бы величайшей трагедией народа... Выстоять, победить было необходимо. Странно, когда кто-то сейчас пытается доказать обратное».

С высоты минувших десятилетий следует обо всём этом помнить, как и о великом подвиге, героизме и мужестве сынов и дочерей Отечества, тех, кто принял первый удар фашистских полчищ, тех, кто со связкой гранат бросался под вражеские танки, закрывал

грудью амбразуру немецкого дзота, шёл на таран фашистских самолётов и танков, вызывал на себя огонь артиллерии, шёл в атаку под свинцовым дождём, добывал важные данные в фашистском логове, совершал партизанские рейды по тылам врага, самоотверженно трудился в тылу, испытывая трудности военного времени. Обо всём надо помнить.

В народе говорят, что человек живёт верой, надеждой и любовью. Верно сказано. Но, на мой взгляд, к этим чувствам и понятиям обязательно следует добавить такое необходимое человеческое качество как память, память живую, светлую и незабываемую, как способность к знанию, хранению и воспроизводству прошлого.

Память о прошлом... Это не просто свойство человеческого сознания, связывающее звено между прошлым и будущим. Память одно из замечательных качеств человека, сознание его патристического долга перед героями, павшими за счастье народа. Память – категория не рыночная. Она не подлжит ни конвертации, ни конверсии, ни, тем более, монетизации. Мы, живые, имеем много прав: право на труд, на любовь, на дружбу, на счастье, на защиту Родины в бою. Но одного права у человека нет и никогда быть не должно – права забыть о том, что сделали наши, павшие в боях, отцы и деды во имя свободы, во имя жизни на земле. Именно поэтому, думая о настоящем и будущем, мы не имеем права забывать о прошлом.

Убог душой тот, кому ничего не говорит прошлое своего народа, его традиции, нравы, святыни. Сам того не замечая, он обкрадывает, лишает себя той нравственной почвы, которая по-настоящему только и питает его жизнь, обогащает духовно. Великая боевая слава России, героические подвиги старшего поколения, завоевания, добытые тяжёлым солдатским трудом, сокровища культуры, которые создавались на протяжении веков нашим народом, и песни, которые они пели, и язык народа, и его обычаи – всё это наследство, которое по праву передаётся молодому поколению, и каждый, кто умеет ценить, хранить и развивать это богатейшее наследство, вызывает чувство

искреннего уважения и благодарности. Это наследство – неисчерпаемый моральный капитал должен работать ежедневно, ежесекундно в каждом человеке, в каждом коллективе, тем более – школьном.

Преємственность поколений – объективная закономерность, непрременное условие развития человечества. Каждое новое поколение не начинает свою жизнедеятельность «с нуля». Оно осваивает накопленный ранее опыт в труде, науке, культуре, спорте...

Лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто!» – это выразительные, чеканные и глубоко верные слова, удачно провозглашённые талантливой поэтессой и писательницей, блокадницей Ленинграда Ольгой Берггольц. Произносите их, мы обязаны помнить, что это не только дань прошлому, сколько программа для настоящего, на будущее. Мысленно её следовало бы произносить так: «Никто не должен быть забыт, ничто не должно быть забыто». Потому что при всей огромной проделанной работе сделать ещё необходимо много. В способности помнить, любить, дорожить заключена огромная нравственная сила, которая помогает человеку глубоко осмыслить себя, свою жизнь и своё достоинство. Поэтому насколько глубоко человек заинтересован в живой истории своей Родины, насколько способен оценить достойные дела старших – определяется то, чего он стоит сам как гражданин и патриот своей Родины.

Героическая история защиты нашего Отечества – наше великое достояние, не зная которое или распылять в своей памяти никто не имеет права. Знание, сохранение, использование бесценных сокровищ богатейшего героического опыта, примеров подвигов воинов-победителей невозможно без благодарной памяти, памяти народной, коллективной, семейной, памяти одного человека. С помощью памяти мы являемся обладателями духовных ценностей самой высокой пробы.

Прославленный полководец Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский писал, вспоминая о войне и говоря о долге живущих: «Нельзя научиться любить живых, если не умеешь хранить память о мёртвых».

Ещё в начале войны известный советский писатель Леонид Леонов в фронтовом очерке «Твой брат Володя Куриленко» мудро писал: «Память народа – громадная книга, где записано всё. Когда стихнет военная непогода, и громадная победа озарит дымные развалины мира, и восстановится биеение жизни в его перепитых артериях, лучшие площади наших городов будут украшены памятниками бессмертным. И дети будут играть среди цветов у гранитных подножий и грамоте учиться по великой заповеди, начертанной на камне: «Любите Родину свою, как мы её любили!»

И прогрессивные люди всего мира давно поняли, что память о подвиге, славе, доблести – это не только бронза монументов, но и любая частичка минувшего, способная сохранить и передать нам бесценные и величие героического прошлого. Память, как учил мудрый русский толкователь слов Владимир Даль, «способность помнить, не забываят прошлого, свойство души хранить сознание о былом». Если память внешняя, по его определению, это всего лишь «безотчётное знание наизусть затверженного, память слов, цифр, имён и событий», то память внутренняя, память сердца это «понимание связи узанного, усвоение себе навсегда духовных и нравственных истин». Отмечать юбилей, памятные даты, годовщины выдающихся событий – это многовековая традиция, выражающая отношение человека к прошлому, в тесной взаимосвязи с настоящим и будущим. Это своеобразный способ укрепления связи времён. Известный русский историк В.О. Ключевской очень метко заметил, что «если отнять у человека прошлое, он превратится в младенца».

Память о Великой Победе – это самое главное и важное, что приобщает молодёжь к непреходящим ценностям героических традиций нашего народа и его славной армии. Память о Победе воспламеняет и поддерживает у молодого поколения чувство патриотизма, любовь к своему Отечеству, решимость отдать все свои силы для её надёжной охраны и защиты. Память о великом прошлом становится мощным духовным оружием настоящего времени. Материализуясь и выра-

жаясь в практических делах, боевых традициях, благодарной памяти потомков память о Победе становится мощной духовной силой. В этом смысле наше героическое прошлое, наше сегодняшнее и будущее – всегда вместе, всегда едины.

Во многих семьях в День Победы, вспоминая ветеранов, достояние их заслуженные награды, рассматривают фотографии о славных боевых и трудовых делах, отдают дань человеку, упрочивая в семейной памяти светлый образ своего близкого. Члены семьи сопереживают с прошлым, ещё и ещё раз вспоминают об истории, возвращают свои мысли и чувства к прошлому, к памяти, за которую мы всегда в ответе.

Такой семейной обычай не редкость, так происходит во многих семьях. Это общенародная традиция, сохранение памяти о заслугах сынов и дочерей Родины, сохранение нетленного – памяти о важном, высоком и непреходящем.

К сожалению, в нынешнее смутное время нередко приходится встречаться с огорчительными фактами забвения, а то и прямого искажения священной истории о Великой Отечественной войне и святи для всех памяти о Дне Победы.

Наш великий земляк Георгий Константинович Жуков оставил нам как заповедь, написав в своих воспоминаниях, такие слова: «С каждым годом по времени мы всё дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для них война – это наши воспоминания о ней. А участников этих исторических событий становится всё меньше и меньше. Но я убеждён: время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. Это было необычайно трудное, но и очень славное время. Человек, переживший однажды большое испытание и победивший, будет всю жизнь черпать силы в этой победе».

Георгий Константинович обращается к нашей молодёжи: «Бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные и славные имена».

Помним. Помним. Празднуем.
С Днём Победы! Нашей Победы!
Константин ИЛЬИН,
полковник, член РСЧС

ПОЧЁТНАЯ НАГРАДА

Митрополиту Калужскому и Боровскому Клименту присвоено звание почётного гражданина Калужской области

Согласно постановлению Законодательного Собрания Калужской области от 25 декабря 2008 года «За особые заслуги перед Калужской областью в сфере государственной и культурной деятельности» митрополит Калужский и Боровский Климент был удостоен звания «Почётный гражданин Калужской области». Торжественное вручение награды состоялось на рабочем заседании депутатов Законодательного Собрания области 26 марта 2009 г. в присутствии губернатора Калужской области Анатолия Дмитриевича Артамонова.

Перед вручением награды к собравшимся обратился Председатель Законодательного Собрания Калужской области Павел Фёдорович Каменский:

«Владыка Климент много внимания уделяет духовно-нравственному воспитанию жителей области. В период его управления Калужской епархией установилось тесное сотрудничество Православной Церкви и светских учреждений. Под его покровительством ежегодно проходят фестивали детского творчества, образовательные чтения.

Ему оказано большое доверие. Он дважды указом президента Российской Федерации назначался членом Общественной палаты РФ. В период работы в этом представительном органе он являлся Председателем комиссии по сохранению культурного наследия. Особое внимание владыка уделяет работе с молодёжью.

По его благословению действуют воскресные школы при храмах епархии, в Никольском женском монастыре в Малоярославце был открыт первый в России приют для девочек – детей родителей, страдающих алкоголизмом и наркозависимостью. В епархии было построено и восстановлено множество храмов, 8 монастырей, духовные школы и духовно-просветительский центр. Вся его деятельность направлена на восстановление духовного наследия страны».

После аплодисментов губернатора Калужской области и Председателя

дателя Законодательного Собрания возложили высокие награды – голубую ленту с надписью «Почётный гражданин Калужской области» и памятный знак с дипломом.

После вручения почётного звания к присутствующим обратился губернатор Калужской области А.Д. Артамонов:

«Сейчас я переживаю волнение вместе с вами. Думаю, что сегодня один из самых главных дней в вашей жизни. Голосованием депутатов Калужской области, представителей населения области вы получили, таким образом, оценку всего населения. Я с огромным удовольствием поддержал выдвижение именно вашей кандидатуры на присвоение этого высочайшего звания «Почётный гражданин Калужской области». Я ценю и поддерживаю то, что мы строго относимся к присуждению этого звания и у нас нет большого количества Почётных граждан. Этот факт повышает значимость звания.

От всей души я хотел бы поздравить Вас с присвоением высокого звания. Пожелать вам долгого здоровья, многих лет жизни и новых успехов».

В свою очередь, со словами благодарности ко всем присутствующим обратился митрополит Калужский и Боровский Климент:

«Многоуважаемый Анатолий Дмитриевич, многоуважаемый Павел Фёдорович, уважаемые де-

путаты Законодательного Собрания, дорогие участники Собрания! Скажу откровенно, после выхода постановления о моём награждении у меня была только одна мысль: за какие заслуги? Это очень высокая награда, и почему же именно мою деятельность оценили так высоко? Когда Павел Фёдорович в своём слове говорил, что сделано много важного и полезного, то я вспоминала тех людей, кто трудился вместе со мной все эти годы, и думал, что мы находимся только в начале пути и ещё многое предстоит нам сделать.

Я восприняла эту награду как высокую оценку деятельности всех тружеников Церкви и как залог, который обязывает меня дальше трудиться, прилагая большие усилия для процветания нашей области. Когда девятнадцать лет назад я была назначена на Калужскую кафедру, здесь было всего 28 храмов, а сейчас эта цифра возросла до 180, было 32 священника, а стало 230. И они служат во всех уголках Калужской области, являясь верными помощниками и неустанными тружениками, которые любят своё служение, любят евренный ил народ.

Удивительно, что за время своего служения здесь в Калужской области я ощутил, что это – моя школа, а я учащийся. И сейчас, подводя итоги сделанному, мне кажется, что я закончила только первый класс. Жители Калужской земли меня многому научили: и руководство области и простые люди здесь такие, о которых мог бы мечтать любой другой регион. Такой дар наша земля приобрела за молитвы Оптинских старцев, преподобных Тихона Калужского, Пафнутия Боровского, которые своими подвигами освятили нашу землю.

Калужская область – древняя земля, сохраняющая много того, что составляет наше культурное и духовное наследие. Она внесла огромный вклад в становление Российской государственности, в развитие нашей православной культуры. И теперь мы призваны сохранить,

преумножить и передать следующим поколениям то, что досталось нам от предков. Когда меня назначили в Общественную Палату, одним из первых моих предложений было создание комиссии по сохранению нашего колоссального и духовного наследия. И сейчас комиссия успешно работает.

В наши дни наблюдается такая тенденция: все стремятся подражать тому образу жизни, который существует в столице – в Москве. Но в истории России подлинно народная культура и традиции всегда сохранялись в глубинке, в небольших городах и сёлах. Малые города сохраняли духовное

тысячу лет назад. Главное, чтобы наши дети ощутили себя частью этой истории, осознали, что они носители великой культуры, начали говорить: это моя страна, это моя культура, это мой русский язык. И тогда у нас будет будущее. Работать в этом направлении – наша общая задача.

Я хочу поблагодарить всех вас, Анатолий Дмитриевич, Павел Фёдорович, вас – дорогие депутаты, за ту помощь, которую вы оказываете Церкви для успешного совершения её служения. Многие сделано, но ещё больше предстоит сделать. В Калужской области ещё много храмов, которые нам общи-

ОСВЯЩЕНИЕ КОЛОКОЛОВ

5 марта в храме в честь Рождества Христова в Кожевниках было совершено архиерейское богослужение. Божественную литургию возглавил Высокопреосвященный митрополит Калужский и Боровский Климент в сослужении настоятеля храма священника Сергея Соскова и городского духовенства.

По окончании воскресной литургии митрополит Климент освятил колокола, отлитые стараниями благодетелей, для колокольни храма. Для любого прихода освящение колоколов важный этап восстановительных работ.

После освящения колоколов владыка Климент поздравил прихожан с этим торжественным событием. Он выразил уверенность в том, что в ближайшем будущем храм будет полностью восстановлен, благоустроен и примет тот вид, который имел в XIX веке.

После проповеди владыка вместе с маленькими детками, прихожанами храма, совершил первый колокольный звон.

*И пусть звонят колокола,
Трезвонят горой оглашая,
Всех верных в храмы приглашая
И очищая нас от зла.*

наследие и идентичность нашего народа. И в наше время, чтобы понять Россию, прикоснуться к культуре, надо обратиться к изучению провинции, российской глубинки. Москва в этом отношении является мегаполисом, где встретились и сосуществуют различные культуры, в том числе и зарубежные традиции. Но, наверное, самое главное это то, что у жителей столицы появляются другие жизненные цели и приоритеты.

Мы обязаны сделать так, чтобы наш народ не потерял связь с нашими культурными и духовными корнями. Мы должны научить нашу молодёжь любить Россию, но чтобы её любить, необходимо её знать: надо знать её прошлое, имена тех людей, которые положили начало нашей государственности, защищали её от внешних врагов, проливая свою кровь, отдавая свои жизни за процветание нашей страны. И не важно, когда это происходило: шестьдесят, пятьсот или

тысячи лет назад. Главное, чтобы наши дети ощутили себя частью этой истории, осознали, что они носители великой культуры, начали говорить: это моя страна, это моя культура, это мой русский язык. И тогда у нас будет будущее. Работать в этом направлении – наша общая задача.

Денежную составляющую, которая полагается при вручении этой награды, я передаю в детский приют «Отрада», который уже многие годы занимается воспитанием детей, оставшихся без попечения родителей. Надеюсь, что эта малая лепта принесёт небольшую радость в их жизнь.

Бог да поможет всем нам в нашем служении».

**Протоиерей
Сергей КОМАРОВ**
(Смотрите стр. 4 обложки)

Наша жизнь полна стереотипов, многие из которых частенько оказываются ложными. Приходилось ли вам слышать такую точку зрения (или даже самим так думать), что в духовном училище воспитывают будущих монашек или что там всё строго, как в армии? Чтобы развеять подобные мысли, достаточно один раз зайти в гости к воспитанницам Калужского духовного училища и пообщаться с ними.

Дарья БЕЛЕЦКАЯ учится на первом курсе регентского отделения.

- Почему ты решила поступить именно сюда?

- Эта сфера деятельности очень специфичная, и она больше для души. Здесь, в училище, очень серьёзный воспитательный процесс. Я не думаю, что где-то так занимаются твоим воспитанием, как здесь. Нас учат благочестию, высоким моральным принципам, основам православной веры.

- Твой выбор пал на регентское отделение...

- Да. Дело в том, что я окончила музыкальную школу. С детства пою на клиросе. Вообще я из Екатеринбурга.

- Как же ты оказалась в Калуге?

- Моя подруга окончила это училище. Она приехала, рассказала мне много интересного, мне очень понравилось, и я приехала сюда по её стопам. У нас тоже есть регентское отделение. Но вот именно такого училища нет. Калужское училище уже имеет свою историю, а у нас оно только открылось.

- Собираешься потом вернуться в Екатеринбург?

- Как Бог даст.

- Ты успела уже подружиться с однокурсницами?

- Конечно! Мы вообще дружим курсами. Отношения у нас очень тёплые. Мы все живём как сёстры. Все проблемы мы решаем вместе. И секретов друг от друга у нас нет.

Лилия ГРИГОРЯН учится на иконописном отделении.

- Почему же именно духовное училище?

- Я живу здесь недалеко, в Тарусском районе. В детстве я ничем не отличалась от других девочек, разве что рисовала. Мама отдала меня в художественную школу. Мы

с мамой долго думали, куда мне идти учиться дальше, и по телевизору однажды показали это училище. Мама спросила меня, хочешь сюда поехать, я ответила, что хочу. Мне понравилось, как рассказывали именно про иконописное отделение. Раз Господь дал мне талант, то надо трудиться в божеском направлении, подумала я. Хотя признаюсь честно, у меня были мысли идти на графическое направление или даже стать мультипликатором. Но я всё же выбрала иконопись. Мы приехали в Калугу первый раз, когда я окончила девя-

ты говорят, что надо больше работать, тогда пигменты начнут ложиться лучше. Нужно рвение и терпение.

- Уже есть успехи?

- Да, у меня что-то получается, но не очень пока. Но это только первый курс, самое начало.

- А есть ли у вас свободное время?

- Конечно!

- И чем ты любишь заниматься?

- Я люблю читать. Я по натуре домосед. Люблю читать сказки, фантастику, православных авторов.

Анна БЕРИКИШВИЛИ приехала в Калугу из Краснодарского края. Сейчас учится на регентском отделении.

- Как ты решила приехать в наш город?

- У себя на родине я ходила в монастырский храм, где с раннего детства пела на клиросе.

От Екатеринбурга до Краснодара

Лилия ГРИГОРЯН

Дарья БЕЛЕЦКАЯ

Анна БЕРИКАШВИЛИ

тый класс, я хотела уже уйти из школы. Но оказалось, что надо окончить одиннадцать классов. Этого как раз очень хотела моя мама, в отличие от меня, я хотела поскорее окончить школу. И вот через два года мы снова приехали, и нас встретила бабушка Ирина, она мне сразу очень понравилась. Хотя когда я после девятого класса приезжала, то была ещё очень маленькая и испугалась этого большого здания, мне показалось, что тут очень много таких переходов, в которых легко заблудиться. А через два года я спотро на эти коридоры, на эти высокие потолки и поняла, что всё это родное, тёплое. И когда мы с девочками встретились, то сразу подружались.

- Трудно учиться?

- Да, у меня есть сложности. В рисовании. Трудно перейти с гуаши на пигменты. Старшекурсни-

Мне это очень нравилось. И вот однажды я приехала в Малоярославецкий монастырь. Туда приезжали девочки из училища. Мы познакомились, подружались, они мне рассказали про училище. Мне стало очень интересно, и я решила сюда приехать. Так я поступила учиться.

- Что тебе здесь нравится?

- Мне очень нравится обстановка, атмосфера, девочки. Всё такое родное. Столько хорошо, тепла, мы помогаем друг другу, мы все сёстры. Я думала раньше, что здесь всё по-другому, что очень строго. А здесь не так. В своё свободное время я могу заниматься любимыми делами, могу пойти погулять со своим молодым человеком.

А ещё бабушка Ирина проводит с нами очень хорошие беседы. Мы можем к ней обратиться со своими проблемами, и она всегда помогает.

Юлия РАХАЕВА

Паломничество Николая Гоголя

"Все Святые места должны быть в твоей душе" **В Святую Землю**
(из письма Гоголя к В.А. Жуковскому)

О творчестве великого писателя Николая Васильевича Гоголя написано множество трудов, в которых его сочинения анализируются с литературоведческих позиций. Но в большинстве из них либо ничего не говорится о религиозных воззрениях автора "Размышлений о Божественной Литургии", либо кратко упоминается о его обращении ко Христу в последние годы жизни. А ведь Гоголь совершил паломничество в Святую Землю и считал этот период жизни вершиной своего духовного обновления и совершенствования. Отрывочные сведения об этом путешествии Гоголя содержатся в его письмах к разным лицам. Сопоставление и анализ этих данных позволяет более полно осветить важный этап в жизни писателя-христианина.

Мысль Н.В. Гоголя о поездке в Св. Землю и её осуществление находились в неразрывной связи с развитием его религиозно-нравственного мировоззрения. Поэтому и сам Гоголь смотрел на своё путешествие в Палестину как "на важнейшее из событий своей жизни". Действительно, путешествие Гоголя в Св. Землю явилось выдающимся событием в его жизни, в котором раскрылись новые черты личности писателя, проявились его усиленные стремления к нравственному самоусовершенствованию, его религиозность.

В целях совершенствования своего духовного мира Гоголь ещё в 1836 г. посетил Киевские святыни, и они произвели на него сильное впечатление. С той же целью Гоголь задумал свою поездку в Иерусалим. К началу осени 1841 г., окончив за границей свою работу над первым томом "Мёртвых душ", Гоголь отправился в Россию для напечатания своего сочинения. Но в Москве Гоголь встретил столько неприятностей, что его настроение вскоре стало подавленным. Цензурные затруднения расстроили его окончательно. В это время у него и созрел план путешествия в Иерусалим.

Намерение Гоголя поехать в Палестину явилось естественным результатом его стремлений к духовному возрождению и обновлению. Об этом он ясно говорил в письме к С.Т. Аксакову от 6 августа 1842 г., где он старался рассеять недоумение, возникшее в его окружении, слухами о сборах Гоголя в "отдалённое путешествие" (т.е. в Палестину). Для друзей Гоголя, ещё не проникшихся духовными чаяниями великого писателя, представлялось странным его намерение отправиться в Палестину. По словам Гоголя, они "с изумлением таращили на него глаза, меряли его с ног до головы, как будто спрашивая: не ханжа ли он, не безумный ли он?"

"В самом деле, – писал Гоголь, – человеку, не носящему ни клобука, ни митры, считающему и донныне важным делом выставить неважные дела и пустоту жизни, такому человеку – не правда ли? странно предпринять такое путешествие?" Слухи о путешествии Гоголя распространились в таком искаженном виде, что самой матери Гоголя представлялось, что её сын "намерен остаться навсегда в Иерусалиме". Но никто не знал настоящей причины этого путешествия, потому что мало кому были знакомы духовные чаяния великого писателя.

Духовное самоуглубление, в процессе которого Гоголь пришёл ко

Христу, среди его друзей было принято одними за ханжество, другими – за религиозную экзальтацию. На самом же деле, в нём не было ничего похожего на ханжество или хотя бы на "простодушное богомольство и набожность, которой, по словам Гоголя, – дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею".

В намерении писателя отправиться в Иерусалим не было проявления фанатизма. "Отдалённое путешествие" Гоголя должно было явиться наглядным выражением тёплого чувства благодарности Спасителю за то возвышенное настроение, которое положило яркий отпечаток на всё его духовное мировоззрение. "Как вы хотите, чтобы в груди того, который слышал высокие минуты небесной жизни, который услышал любовь, не возродилось желание заглянуть на ту землю, где проходили стопы Того, Кто первым сказал своё слово любви сей человекам, откуда истекла она на мир?" – спрашивал Гоголь. Такие слова могут родиться только в душе истинного христианина.

Возвышенное настроение Гоголя, переживаемое им в 1842 г., открывало перед его взором широкие горизонты будущей деятельности. Первая часть "Мёртвых душ", уже оконченная, представлялась ему тогда лишь бледным преддверием той великой поэмы, которая начинала строиться в нём и разрешит загадку его существования. Таким образом, все творческие планы Гоголя сводились тогда к успешному выполнению труда над "Мёртвыми душами". Поэтому естественно, что план путешествия в Иерусалим должен был осуществиться лишь после окончания этой книги. "Окончание труда моего перед путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь перед святием причащением", – писал Гоголь в декабре 1842 года.

Между тем, до 1845 г. труд Гоголя над "Мёртвыми душами" почти не продвигался, и, недовольный написанным, он в середине этого

года уничтожил второй том Мёртвых душ". Здоровье Гоголя всё сильнее расстраивалось, исчезло душевное равновесие, не было уже тех восторгов, которые он изливал друзьям в письмах 1842 года. Однако Гоголь ещё не оставил надежды с наступлением следующего года привести в исполнение свою давнюю мечту – отправиться в Иерусалим, чувствуя, что только там обретёт полное выздоровление. С этой целью, чувствуя нужду в "дальней дороге" и считая благословение в путь, преподанное просвещённым Иннокентием, за Божие внушение, Гоголь выехал из Москвы со своими друзьями с тем, чтобы в Риме встретить начало зимы (1845 г.), а в конце зимы, во время Великого поста и Пасхальной седмицы (1846 г.), совершить путешествие в Иерусалим.

Но мечты Гоголя не сбылись. Его болезненное состояние усугубилось. Работе над "Мёртвыми душами", с которой было связано путешествие в Палестину, не предвиделось и конца. Путешествие отодвигалось ещё на один год, до последних чисел января 1847 года.

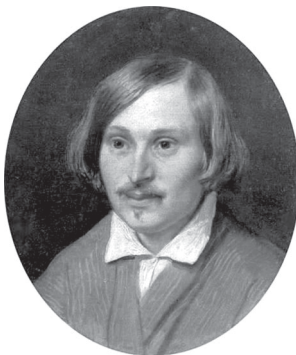
Между тем, Гоголю перед отъездом на поклонение ко святым местам хотелось "подать голос" обществу, чтобы быть вполне готовым к этому паломничеству. В это время Гоголь задумал выпустить в свет "Выбранные места из переписки с друзьями". Теперь выполнение плана о путешествии в Иерусалим приурочивается уже к окончанию этого нового труда, которым Гоголь надеялся принести большую пользу для Церкви. Все препятствия по изданию книги, так же как и благоприятный ход обстоятельств, получили теперь для Гоголя значение указаний Божиих. Если Бог благословит всё устроить, то это будет знак того, что можно смело отправляться в дорогу. Поэтому Гоголь решил покорно ждать проявления воли Божией и не пускаться в дорогу без ясного указания от Неба.

С другой стороны, как знака воли Божией, Гоголь ожидал непреодолимого влечения в ту землю, где ступали небесные стопы Господа. "Знаком будет уже и то, – писал Гоголь 8 ноября 1846 года, – когда всё, что ни есть во мне – и сердце и душа, и мысли, и весь состав мой, – загорится в такой силе желанием лететь в Обетованную Святыю эту

Землю, что уже ничто не в силах будет удержать, и, покорный попутному ветру Небесной воли Его, понесусь, как корабль, не от себя несущийся".

Но все надежды и желания Гоголя не оправдались к ожидаемой весне 1847 г., несмотря на то, что в конце 1846 г. Гоголь приехал в Неаполь с тем, чтобы с наступлением весны ехать в Иерусалим.

Когда вышла в свет знаменитая "Переписка с друзьями", Гоголь получил множество писем и критических статей с самыми резкими отзывами о его книге. К этому ещё нужно прибавить неприятные для Гоголя цензурные придирки к издаваемой "Переписке", строгие до такой степени, что, по его словам, вместо книги вышла брошюра. Всё это воспринималось им как указание свыше, что время для задуманного путешествия на Восток ещё не настало, и оно отодвинулось ещё на год.

Колебания Гоголя, по мере приближения поездки, ещё больше усиливались от того, что он чувствовал себя нравственно не вполне готовым к путешествию. Предъявляя к самому себе высокие нравственные требования, Гоголь не был удовлетворён теми результатами, которых он достиг в деле своего самоусовершенствования. Перед таким важным делом как путешествие в Иерусалим у писателя явилось естественное желание сделатья духовно чище, поскольку он привык проверять свою жизнь перед своим внутренним судом. Путешествие Гоголя – это не простое поклонение: ему было нужно многое обдумать у Гроба Самого Господа, и от Него испро-

сить благословение на всё, в самой той земле, где ходили Его Небесные стопы. Поэтому христианское смирение говорит устами Гоголя: "Мне нельзя отправиться не готовому, как иному можно, и весьма может быть, что и в этом году мне определено будет ещё не поехать".

Наконец, замедляло путешествие Гоголя и неудовлетворительное состояние его здоровья, ухудшившееся к весне 1847 года. Если прибавить к этому позднее получение заграничного паспорта, присланного Гоголю лишь 21 февраля 1847 г., то станет вполне понятным, почему Гоголь не успел в Иерусалим к Светлому Воскресению 1847 года. Но вот прошла и весна 1847 года. Проведя по обыкновению конец лета на отдыхе в Остенде (Бельгия), Гоголь к зиме переехал в Неаполь с тем, чтобы "быть ближе к выгрузке на корабль". Но по мере приближения времени отъезда, им снова овладели страх и сомнения, особенно вследствие того, что ожидаемое им неудержимое стремление в путь и стечение благоприятных обстоятельств, которые, по его убеждению, должны были служить указанием свыше, что пора собираться в путь, – не наступали.

То он писал о своём сильном желании, всё возрастающем, помолиться у Гроба Господня и тем исполнить "потребность своей души", то душа его замирала при одной мысли о длинном морском путешествии, которого Гоголь не в силах был переносить и от которого ужасно страдал. А пути по морю было почти 11 дней, включая сюда остановки по одному дню на Мальте, Александрии и Афинах. Все эти причины неизвестно до какого времени отдалили бы поездку Гоголя в Палестину, если бы ему, как видно из его январских писем 1848 года, уже не было "совестно" не ехать. Поэтому Гоголь, при всём сознании своего недостойнства, твёрдо решил отправиться на поклонение Святому Гробу.

Перед началом такого важного события, как поездка в Иерусалим, Гоголь просил своего духовного наставника, о. Матфея Константиновского отслужить в продолжение Великого поста и после Пасхи три молебна "о благополучном путешествии и возвращении на родину, в благодатном и удобном Богу

состоянии душевном". С такими же просьбами об усердных молитвах за всё время пребывания в дороге Гоголь обращается к матери и друзьям.

Заручившись от министра иностранных дел "беспошлинным паспортом на полтора года, для свободного путешествия по святым местам", а также рекомендованными письмами ко всем русским консулам в турецких владениях, для того, чтобы с их стороны ему оказывалось всевозможное покровительство и попечение, Гоголь 22 января 1848 г. сел в Неаполе на корабль и вскоре был уже на острове Мальта.

За время этого короткого переезда по Средиземному морю Гоголю пришлось испытать все неприятные ощущения морской болезни. На Мальту он приехал совершенно разбитый. Но все эти неприятности морской болезни не ослабили у Гоголя душевных порывов к Святому Гробу. В начале февраля 1848 г. Гоголь был уже в Иерусалиме, был там, куда в продолжение многих лет влекла его сила веры и жажда духовного обновления. Давнишние его мечты осуществились. Что же чувствовал он здесь, в этом святом месте?

В кратких иерусалимских письмах к матери, к о. Матфею и В.А. Жуковскому Гоголь извещал о своем благополучном прибытии, о своих молитвах за родную семью и друзей, просил молитв о счастливом возвращении на родину.

Пребывание Гоголя в Палестине облегчалось постоянным содействием, которое ему оказывал русский генеральный консул в Сирии, К.М. Базили, его старый товарищ по школе. Неудовлетворенность Гоголя своим нравственным состоянием, составившее постоянную черту в его религиозном настроении за последние годы его жизни, ещё ощутительнее сознавалось им на том месте, где всё должно было напоминать о правде и любви, принесённых в мир Спасителем. Отправляясь в Палестину, Гоголь настолько верил в силу и плодотворность своей молитвы, что мечтал, подобно древнерусскому паломнику Даниилу, "помолиться у Святого Гроба о соборных и кровных своих, о всех людях земли своей и о всей отчизне своей, о её мирном времени, о примирении всего в ней враждующего и негодующего, о

водворении в ней любви и о воцарении в ней царства Божия".

Пребывание на Гоголя благотворное действие и помогло ему лучше увидеть свой духовный мир. Из его писем иерусалимского периода видно, что он постоянно пребывал в состоянии исповедника, кающегося в своих грехах перед Богом, перед ближними, перед всем миром. В письме к о. Матфею от 21 апреля 1848 г. Гоголь, сообщая о своих впечатлениях в Палестине, отмечал, что ещё никогда не был так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме, что увидел там "чёрствость свою и себялюбие". "Была одна минута...", — начал было Гоголь в том же письме, — но какая — он не сказал, не придавая значения минутному порыву. Может быть, это была та минута, когда Гоголь однажды стоял один, в преддверии пещеры Гроба Господня, а перед ним только священник, совершавший литургию на самом Святом Гробе.

Диакон, призывавший народ к молитвам, стоял позади русского паломника, за стенами Гроба; его голос слышался в отдалении. Пение народа и хора было ещё отдаленнее. Пение русских паломников, возглашавших "Господи помилуй" и другие церковные песнопения, едва доходило до слуха Гоголя. Передавая впечатления этой минуты, Гоголь писал из Бейрута 6 апреля 1848 г. Жуковскому: "Всё это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагавшем молиться; молиться же я собственно не успел. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы утнаться за нею. Я не успел почти помолиться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа, для приобщения меня недостойного". Это был момент высшего подъёма религиозного чувства Гоголя в Святой Земле. Дальнейшие впечатления Гоголя от палестинских мест усиливали аскетическое настроение его души, дополняли его неудовлетворенность состоянием своего "чёрствого и холодного" сердца. Гоголь, по его собственной выразительно, видел как во сне Святую Землю.

Чем же объяснить такое несоответствие палестинских впечатлений Гоголя с надеждой на обновление души, которого он с таким волнением ожидал от своего путешествия в Святую Землю? В своих палестинских письмах Гоголь как бы намеренно умалчивает о причинах своего душевного неудовлетворения. В его кратких сообщениях из Иерусалима звучит только, выраженное в общих словах, недоумение своим внутренним "я". И только лишь в письмах к друзьям, написанным по возвращении в Россию, он подробнее говорит о своих палестинских впечатлениях.

В этом отношении интересным документом является письмо Гоголя к В.А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г. В нём содержится откровенное повествование писателя о своих отношениях к той земле, где совершилось дело искушения рода человеческого, и в то же время оно служит объяснением этой непонятной с первого взгляда духовной неудовлетворенности. Гоголь отправлялся в Палестину со сложившимися представлениями о всех местах, связанных с евангельскими событиями. Постоянное чтение Священного Писания помогло его воображению, еще задолго до путешествия, воссоздать в душе ту древнюю библейскую Палестину, которая была осыяна стопами Божественного Учителя. Эта идеально-воображаемая Святая Земля, со страниц Евангелия постепенно укоренялась в сердце великого писателя, постоянно предстояла перед его мысленным взором.

Гоголь вёз с собой в путешествие евангельский облик Святой Земли, с красотой её природы, ставшей уже достоянием минувшего. Но в действительности он встретил там пейзаж, не соответствующий своим мысленным представлениям. Действительно, что мог сказать писателю, воспевшему Днепр и очарование украинской ночи, тогдашний вид Палестины, с её однообразными холмами? Она не блистала теми светлыми тонами природы, которые так долго не отпускали Гоголя из Италии. Своим внешним видом Палестина не могла умиротворить душу писателя, уничтожить в нём трагический разлад с самим собой. Наоборот, она вполне соответствовала его настроению, и, может быть, усиливала это настроение.

Достигнув восточного побережья Средиземного моря, Гоголь продолжил свой путь в Иерусалим по суше через Сидон, древний Тир и Акру. С помощью своего старого товарища по школе, русского генерального консула К.М. Базили, Гоголь проехал по Палестине не без удобств, в сопровождении конных и пеших провожатых. Но немного впечатлений оставил в душе писателя этот путь по берегу моря. С одной стороны – море, омывающее своими волнами берег, а с другой – пески или белёватые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником, в полдень – колодезь, осенённый двумя-тремя оливами; на вечернем горизонте – пять, шесть пальм, а вместе с ними прорезающийся сквозз радужную мглу городок, картинный издалека и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир.

Гораздо больше поразил душу писателя общий вид Иерусалима с Елеонской горы, откуда он выглядит обширным и великолепным. Вот как Гоголь описывал внешний вид этого города. "Подымаясь вместе с горой, как бы на приподнятой доске, он выказывается весь, малые дома кажутся большими, небольшие выбеленные выпуклости на их плоских крышах кажутся бесчисленными куполами, которые, отделяясь резко своей белизной от необыкновенно синего неба, представляют вместе с остролями миниатюр какой-то играющий вид".

Взыскательному взору писателя пришёлся по вкусу ещё один вид, открывшийся перед ним однажды посреди однообразных серых холмов, когда, выехав из Иерусалима и видя перед собой одну и ту же картину, он уже не ожидал ничего нового, как вдруг с одного холма вдали, в голубой свете, огромный полукружием перед ним предстала гора. "Странные горы, – отмечал Гоголь, – они были похожи на бока или карнизы огромного высушенного угла блюда. Дно этого блюда было Мёртвое море. Бока его были голубовато-красноватого цвета, дно голубовато-зеленоватое". "Никогда не видел я, – продолжал Гоголь в этом же письме Жуковскому, – таких странных гор. Без пик и остроконечий, они

свалились верхами в одну ровную линию, составляли повсюду ровной высоты исполинский берег над морем. По ним не было приметно ни отлогостей, ни горных склонов; все они как бы состояли из бесчисленного числа граней, отливших разными оттенками сквозз общий мглистый голубовато-красный цвет. Это вулканическое произведение – нагромождённый вал бесплодных камней – сияло издали красотою несказанной".

Дальнейший путь Гоголя по Палестине не отличался особым разнообразием. На обратном пути из Иерусалима, через Назарет до Бейрута, писатель-паломник где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее – другой, в Назарете, застигнутый дождём, просидел два дня. Унылый пейзаж Палестины мало что сказал его душе. Вполне понятно, почему Гоголь, по своём возвращении из Палестины, отказал В.А. Жуковскому в просьбе описать живописную сторону Палестины, что было необходимо Жуковскому для его будущей поэмы. "Всё это, верно, было живописно во времена Спасителя, – писал Гоголь Жуковскому от 28 февраля 1850 г., – когда вся Иудея была садом и каждый житель сидел под тенью ни насаждённого дерева; но теперь, когда редко, редко встретишь пять-шесть оливок на всей покатоги горы, цветом земли своей так же сероватых и пыльных, как и самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха, да урывками клочки травы зеленеют посреди этого обнажённого, неровного поля камней, да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадаетея где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, большая похожая на глиняный горшок, печурку, звериную норку, чем на жилище человека, – как узнать в таком месте землю

млека и меда? Представьте же себе посреди такого опустения Иерусалим, Вифлеем и все восточные города, похожие на беспорядочно сложенные груды камней и кирпичей; представь себе Иордан, тощий посреди обнажённых гористых окрестностей, коегде осенённый небольшими кустиками ив; представь же себе посреди такого опустения у ног Иерусалима долину Иосафатову с несколькими камнями и гротами, будто бы гробницами иудейских царей".

"Право, не знаю, – писал Гоголь, – что могу сообщить тебе такого о Палестине, чтобы навело тебя на благодатные мысли и побудило тебе вдохновенно приняться за перо и свою поэму". Но Гоголь искал в Святой Земле не только эстетического наслаждения. Как и свойственно всякому паломнику, он смотрел на Палестину, как на колыбель христианства, откуда воссиял вечный свет миру. Гоголь, как искренно верующий христианин, со священным трепетом сердца шёл на поклонение тем местам, с которыми связана история искупления человечества. Ведь всё это нужно было ему, как благодатное духовное лекарство от сердечной "чёрствости".

По остаткам палестинских древностей, как по страницам Евангелия, Гоголь намеревался вновь прочесть историю о духовном обновлении человека, которого так жаждала его чистая душа, наглядно пережить вместе с апостолами и учениками Христовыми духовную близость к Спасителю мира. Но Палестина в её настоящем виде, с её пустынным пейзажем, мало удовлетворила Гоголя, не разрешила его мучительных вопросов духовного характера. И если думать, что впечатления Гоголя о Святой Земле применимы по отношению ко всем паломникам, путешествовавшим в Палестину, то можно легко ошибиться. Гоголь говорил только о себе самом, и его суждения о Святой Земле, вытекавшие из его особого мировосприятия, ещё далеко не обязательны для каждого паломника: они имеют лишь субъективное значение по отношению к самому Гоголю.

Никто не может отрицать того благотворного влияния, которое

оказывает на религиозное чувство человека непосредственное созерцание тех священных исторических мест и памятников, которые искони влекут к себе сердца всех верующих людей. "Среди христиан, – писал известный английский философ Давид Юм (1711–1776), – было замечено, что паломники, выдавшие Святую Землю, всегда бывают потом более искренними и ревностными верующими, чем те, кто не имел этого преимуществ. Человек, память которого представляет ему живой образ Чёрного моря, пустыни, Иерусалима, Галилеи, никогда не может сомневаться в чудесных событиях, рассказываемых Моисеем и евангелистами. Живое представление о месте легко переходит на факты, которые предполагаются связанными с ним по смежности, и усиливают веру, усиливая живость мысли. Воспоминание об этих равнинах и реках оказывает на простодушна такое же влияние, как новый аргумент, и по тем же самым причинам".

И сам Гоголь не умалял важности паломничества в Святую Землю для религиозно-нравственного воспитания верующего, но в отношении себя самого он делал некоторые оговорки. "Я думаю, – писал Гоголь Жуковскому, – что вместо меня всякий простой человек, если только он с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку Святой Земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно".

Что же мешало Гоголю стать в отношении к Палестине на точку зрения простого паломника? Судя по одной лишь внешней стороне отношения Гоголя к Палестине, можно упрекнуть писателя в неустойчивости его религиозных воззрений, в маловерии, в недостаточной привязанности к Святым местам. Кажется, что трепет верующего сердца простого паломника ставит его на нравственную высоту, недостижимую для великого писателя. Этот вопрос можно попытаться разрешить, проанализировав результат воздействия внешних впечатлений на душу разных людей. Человек с недостаточно развитым воображением сильнее зависит от внешних впечатлений: он следует за ними и, сообразно с ними, формирует представления и понятия, которые полагает за основу своего

мировоззрения. Человек же с более развитыми духовными стремлениями проверяет внешние впечатления с точки зрения уже сформировавшихся основ своего духовного жизнепонимания. Вот почему для людей, подобных Гоголю, паломничество – это одно из религиозно-воспитательных средств, которое должно вызывать в душе высокие представления, святые чувства. Для таких людей современная Палестина важна постольку, поскольку с ней соединяются представления о минувших евангельских событиях, поскольку она живо помогает усвоить эти высокие представления, вызвать подъём религиозного чувства и приблизить христианина к тому Царствию Божию, о котором Спаситель сказал, что оно "внутри" человека...

Что касается паломничества Гоголя, то оно не помогло достигнута этой высокой нравственной цели, поскольку реальная обстановка Палестины оказалась бедней той исторической евангельской Палестины, которая ещё задолго до путешествия представлялась воображению великого писателя. На просьбу Жуковского представить художественную картину святых мест Гоголь отвечал, что все эти места должны быть заранее в душе христианина. "Соверши, помолясь, жаркой молитвой, это внутреннее путешествие, – писал Гоголь своему собрату по перу, – и все святые окрестности восстанут перед тобой в том свете и колорите, в каком они должны востать. Какую великодушную окрестность поднимает вокруг себя всякое слово в Евангелии! Как беден перед этим неизмеримым кругозором, открывающимся живой душе, тот узкий кругозор, который озирается мёртвыми очами учёного исследователя!"

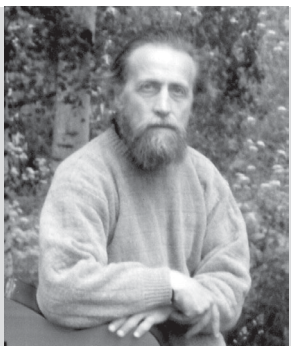
В этих словах глубоко верующего христианина чувствуется сила живой привязанности к дорогам для каждого христианина священным евангельским событиям, – сила привязанности, достигающая степени наглядного представления. Очевидно, читая Евангелие, Гоголь видел мысленным взором, яснее, чем в самой Палестине, и "звезду над Вифлеемом, и над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, видел в стенах Иерусалимских страшный день крестной смерти, при густом, всё

покрывающем мраке и землетрясении, и светлый день Воскресения Христова". Поэтому вполне понятно, почему Палестина не осветила нравственной природы Гоголя, не примирила его с собой самим.

Святая Земля не предстала перед ним воочию, не вызвала в его душе наглядно тех великих евангельских образов, которые уже давно жили в его воображении. Гоголь понимал, что со времен Спасителя до его собственного путешествия минуло более восемнадцати столетий, что та земля, по которой ходили божественные столпы Иисуса Христа, должна была измениться со временем, что её исторический, современный Спасителю внешний облик уже скрыт под многометровыми пластами земли. К другому результату и не мог прийти человек, у которого Евангелие было настольной книгой, который в продолжение последних лет своей жизни жил в области священно-исторических христианских событий. В воображении Гоголя всякому евангельскому событию сопутствовали такие детали, которые, по его словам, "гораздо ближе давали чувствовать минувшее время, чем все ныне видимые местности, мёртвые и обнажённые".

Но эти слова вовсе не умаляют значения паломничества в Святую Землю, благотворного в смысле внешнего религиозного воздействия на душу христианина, так как не всякий человек, подобно великому писателю и глубоко верующему христианину – Гоголю, способен с такой же силой воссоздать в своём воображении евангельские события. И хотя Гоголь возвратился в Россию с не до конца осуществлёнными надеждами на благотворную силу поклонения Святому Гробу, воплощёнными в письмах о Матфею (1850 г.) и другим лицам Гоголь выражал желание снова отправиться в путь, на Восток, "под благодатнейший климат, навеваемый окрестностями Святых мест". Это желание великого писателя не случайно. Оно, выражая его постоянное стремление к горнему миру, Небесному Иерусалиму (Откр. 21, 1), красноречивее всяких доводов подтверждает великое спасительное значение Святой Земли для каждого христианина.

Архимандрит
Августин (НИКИТИН), доцент

МОЛЧАНОВ
Валерий Николаевич

родился в победные послевоенные годы в семье служащей в городе Буй Костромской области.

Живя ещё в СССР, исколесил страну вдоль и поперёк. Много работал. Вёл дневники, вбирал в память и сердце увиденное. Потом вернулся в родной город Буй.

С 90-х годов паломничает по святым местам Отчизны. В 1998 году был трудником в Авраамиево-Городецком монастыре за Чухломой, алтарником в сельских церквях Буйского района, восстанавливал с православной братией церковь Архидьякона Стефана. Жил в православной общине в деревне Ярославской губернии.

В настоящее время живёт и работает в Костроме.

Валерий Молчанов уже давно пишет и издаёт стихи и прозу на православную и патриотическую тему, сочиняет песни на свои и полубившиеся ему стихи других поэтов, записывает диски и кассеты и сам идёт в народ – поёт на площадях и в переходах Костромы, Москвы, Калуги.

Сотрудничает с костромской епархиальной газетой «Благовест» и московской – «Русь Державная». Записал два диска песен: «Русский дух – Христианства броня» и «Под куполом царских небес», компакт-кассету «Пророчества святых...».

Издal сборники стихов: «А душа то ликует, то плачет...», «Белый крик», «Чёрная сотня», «За Веру, Царя и Отечество», «Империя Святорусского Духа», «Я душу вылечу твою...»; книги прозы: повесть «Светка и поэт», сборник рассказов «Есть святые места на Руси».

Люди тянутся к нему, слушая песни и читая его книги, – только этим он и живёт теперь. Он идёт к людям и дарит им свет своей души с надеждой, что свет этот для них станет преобразующим.

Я только странник на родной земле

Стихотворения Валерия Молчанова
(г. Кострома)

* * *

Я только странник
на родной земле –
На Вавилонских реках
словно пленник.
Греховный свой я вспоминаю след
И бью о камень
этих мыслей тленье.

Россия, Русь, мой Иерусалим!
Земля Святая, Отчина от века...
Хоть плачь, но горе мы не утोलим:
Душа – становится калекой.

Как ныне мне помочь душе своей?!
Не возродиться на земле без Бога.
А ближние вокруг всё злей и злей...
Без покаяния – куда дорога?

Я только странник
на родной земле...
Придёт мой срок –
и примет плоть земляца,
Но вот душа – какой оставит след:
Падёт ли камнем?...
Или – в небо птицей?..

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ангел на скрипке
играет мне песню,
И на душе так стало светло.
Словно из детства повеяло вестью
Музыки чудной, сладостью слов.

Детство далёкое...
Ангел Хранитель...
Я на лугу... и скрипка в руке!
Ангел мой добрый –
руководитель –
Музыкой лётся в Божьей строке.

Годы свободные детских мечтаний,
Звуки летят в лазурную даль;
Время счастливых
беспечных признаний,
Где-то... и голубая печаль.

Солнце высокое... Птицы щебечут...
Речка с истока тихо течёт.
Вечная Книга шагает навстречу –
Жизнь начинается верный отчёт.

* * *

Слава Богу, есть в Москве обитель,
Где уютно, и тепло, и тихо;
Николае-свет здесь покровитель,
Нет здесь смутного земного лиха.

Поутру в церковную ограду
Прилетает белая голубка,
Словно Святы́й дух сестре и брату,
Землю трогая небесной грудкой.

А за ней – бесхитростно и нежно –
Сизари на папёрть с воркованьем,
Зёрнышки клюют

гурьбой прилежной,
Чуть толкаются своим собранием.

В храм войду,
свечу возжгу спокойно –
Лики чудотворцев – прямо в душу;
С клироса звучат молитвы
стройно,
Словно вечность через них
мне слушать.

*Церковь Святого Николая
на Берсенёвке, Москва*

У ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Русский я. Угрюмы рядом стены.
Чёрные глазницы окон... Стынь...
Да полей разрезанные вены –
Серые российские холсты.

Монастырь мне из веков укором
В стороне-сторонушке лесной.
Я перед разрушенным собором –
Стены молчаливо надо мной.

Отче Сергей по Руси великой
Отпускал своих учеников,
Чтоб не стать народу, мне –
близким
В сокровенном таинстве веков.

Здесь монах Иаков в месте Божьем,
Словно поле засевая рожью,
Божий храм в чащобе возводил
Со крестом Господним на груди.

Русский я. Угрюмы рядом стены.
Одиноко мне... И ветра стынть.
Вот такие, братья, перемены.
Серые российские холсты...

Свято место пусто не бывает –
Так в народе нашем говорят.
Кружит вороньё крикливой стаей,
И горит вечерняя заря.

Русский я. И крест несущи печали.
Дожижду до утренней зари.
Галки, вороньё –
 все раскрасчались...
Но святое сердце говорит...

* * *

Душе мое, распойся в храме
Молитвой к Господу Христу,
Не оставяйся в прежнем сраме,
Приникни к чудному Кресту.

Светлее стань в браженном мире,
Божественный целую след...
Псалтириюном в звонкой лире
Твори на бесконечность лет.

Душе мое, и в покаянье
Настрой сердечный вечный лад:
Живёшь ещё пока в изгнание –
Кремлёвских звёзд
 кровавый взгляд.

Но «пустынь» есть в краю родимом
Свят у Макария в лесу:
Заблудшие бегут всё мимо,
Чтят сатанинскую красу.

Душе мое, распойся в храме,
Почувствуй духа благодать,
Не оставяйся в прежнем сраме,
Живи в молитвенных трудах.

* * *

Я из лугов, из леса, света –
Я родом из Святой Руси,
С душою русского поэта –
Господь даёт мне крепость сил.

* * *

Я душу вылечу твою,
Приди ко мне – в Святую Русь!
Здесь лес, река псалмы поют,
И неба голубого грусть...
Земля даёт таинства хранит,
Пророков Божии слова,
И с неба золотую нить
Во век врагу здесь не порвать.

* * *

Тёплый звон на вечере заката
Я дождался в расхристанном мире...
Русский духом, живу небогато
В несмолкающей истинной лире.

Звон церковный для сердца и духа
Брат звонарь посылает в округу...
И туман – белопенностью пуха,
Месяц зреет в тугую подругу.

И душа наполняется светом
Невечерним, незримым, высоким...
И живу во скончании лета
На Руси, где родные истоки.

ТАЙНА

Я хотел разгадать эту тайну
И не смог... И не надо, мой брат.
Почему так в безбрежное тянет,
Когда звёзды над миром горят?!

На равнине, в родной луговине,
Я под куполом царских небес...
Эту вечность никто не отнимет!
Рядом – гривой –
 таинственный лес.

Тени света над Родиной шире –
Неземное сиянье в ночи,
Словно кто-то играет на лире,
Словно в звуках от счастья ключи.

* * *

Сгустки звёзд над крышей дома,
Полная луна.
Это всё давно знакомо,
Но мне не до сна.

В глубине там, во Вселенной,
Есть времён иных
Мне таинственные пленны...
Так какие сны?!

И когда оставит тело
Вольная душа,
Попадёт в какие пленны,
Что с ней совершат?

Упадёт ли в круги ада?
Иль взметнётся в Свет?!
Каждому своя награда –
Жизнь даёт ответ.

Жизнь земная – нет, не случай...
Сгустки звёзд вдали.
Может, в Небе будет лучше.
Здесь же – всё болит.

В ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Андрея Критского каноны
Я слушаю в монастыре,
И, словно в сердце, перезвоны
Во храме на Святой горе.
Мерцают свечи покаянья,
На лицах тихий свет икон;
Молитвенное то стоянье –
И умирительный канон
Архимандрит Никандр читает,
Свеча в подсвечнике горит,
А память по векам листает –
Сё от Адама время зрит.

Проходим путь грехопаденья
И молим Господа: «Прости!»
Молитвенному слову – бденье,
Чтоб в сердце только не остыть.
Андрея Критского каноны
Я слушаю в монастыре...
И продолжают перезвоны
Во мне молитвенно гореть.

*В Авраамиево-Городицком монастыре,
с. Ножкино близ Чухломы*

* * *

Апрельский лес...
Серёжки пробивая,
Ивняк пушится тихо над рекой.
А гуси в небесах – за стаей стая,
И, в пойме отдохнув, летят домой.
Апрельский лес...

И звуки птиц высоких,
И вздохи благодатные земли...
Пусть бродят вновь
 живительные соки
И сердце жизнью радостно болит.

ПАСХАЛЬНОЕ

Обновились мир греховный –
Ныне Пасха на земле!
Уголок лесной, укромный,
Распускается вослед.
Пчёлки вечной песней веют,
Облетая ивы пух,
Плачут почки, цветом зреют,
Не таит земля свой слух.
И звучит – Христос Воскресе! –
Целование сестры,
Брата...
Небо... Море песен!
И апрельские костры.
И звучит – Христос Воскресе! –
И – Воистину Воскресе! –
Снова мир земной чудесен,
И спасительный мне Крест.

Влияние протестантизма на имущественную этику и экономическую теорию

Продолжение цикла статей профессора Н. Сомина о социально-экономическом учении в христианстве. Западная традиция.

Обгоняющее развитие капитализма в протестантских странах
 Рассмотрение проблемы богатства и собственности в протестантизме особенно интересно, ибо оно приводит нас к третьей христианской парадигме – «протестантской этике». Этот термин принадлежит известному немецкому социологу Макс Веберу (1864–1920), впервые употребившего его в своей шумевшей работе «Протестантская этика и дух капитализма». В этой книге, опубликованной в 1905 г., Вебер замечает, что в Германии имеет место «несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей», и наоборот – «незначительная роль католиков». Впрочем, эту закономерность не раз замечали и до Вебера.

Обсудив эти факты и выяснив, что их нельзя объяснить какими-то побочными причинами, он заключает: «Причину различного поведения названных вероисповеданий следует поэтому искать прежде всего в устойчивом внутреннем своеобразии каждого вероисповедания, а не только в его внешнем историко-политическом положении». Иначе говоря, протестантизм стимулировал развитие капитализма. Эта идея оказала огромное влияние на социальную мысль XX столетия.

Макс Вебер о «духе капитализма»

Макс Вебер родился в Пруссии в 1864 г. в семье преуспевающих бюргеров. Отец – депутат рейхстага, мать – добропорядочная кальвинистка. Кроме родителей на Вебера большое влияние оказал его дядя Карл, который на всю жизнь привил юноше уважение к предпринимательству, собственности и вообще капитализму. Исключительные способности определили его карьеру учёного. Магистерская, докторская – и вот Вебер профессор политэкономии в Гейдельберге.

«Протестантская этика» – его относительно ранняя, но типичная для Вебера по постановке вопроса работа. Значительная часть его научных усилий была направлена на выяснение того, как влияют те или иные религиозные установки на

экономическое развитие. Случай же протестантизма – наиболее яркий, и Вебер его исследует первым. При этом, он нарочито сторонится каких-либо моральных оценок. Вебер не задаёт вопросов «хорошо ли, что протестантизм стимулирует капитализм?» или «как нравственно оценить капитализм?»

Макс Вебер. 1894 г.

Его работы выдержаны в «научных» рамках, направлены на выявление только «объективной» зависимости. Вообще вопрос: были ли он верующим человеком и тем более протестантом – остаётся открытым. Видимо, нет. Ибо по отношению к религии Вебер всегда занимает позицию «религиоведа», а не богослова. Однако о его «объективности» можно говорить лишь условно. Его симпатии явно принадлежат буржуазии и капитализму (и, заметим, абсолютно не принадлежат социализму). Это видно и из его научных работ, и из его достаточно активной политической деятельности, в которой он постоянно выступает против юнкерства (помещиков) за победу буржуазных отношений в Германии.

Но как же Вебер объясняет эту поистине парадоксальную особенность протестантизма? – ведь до сих пор мы видели, что христианство пыталось поставить преграду стремлению к наживе.

«Капитализм, безусловно, тоже-

добен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к «рентабельности». И таким он должен быть... «Капиталистическим» мы здесь будем называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, т.е. мирного (формально) приобретательства».

Иначе говоря, нажива капитализма, в отличие от других способов наживы, хорошая, капитализм таким и «должен быть». А хорошая потому, что она использует не разбой, а «мирный» оборот и рациональный учёт барышей. Капиталистические предприятия существовали всегда, но только на Западе они повлекли образование капиталистического уклада. Почему? Потому, отвечает Вебер, что в обществе возник особый «дух капитализма», который и сделал это «чудо». Что же это за «дух» и откуда он взялся? «Дух капитализма» Вебер иллюстрирует следующими цитатами из «Руководства для молодых кушцов» Бениамина Франклина. (1748 г.):

«Помни, что время – деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов, и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен – если он расходует на себя всего только шесть пенсов – учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того ещё пять шиллингов.

Помни, что кредит – деньги. Если кто-нибудь оставляет у меня ещё на некоторое время свои деньги, после того как я должен был бы вернуть их ему, то он дарит мне проценты или столько, сколько я могу вернуть с их помощью за это время. А это может составить значительную сумму, если у человека хороший и обширный кредит и если он умеет хорошо пользоваться им.

Помни, что деньги по природе своей плодотворны и способны порождать новые деньги».

Эти режущие православное ухо цитаты Вебер комментирует так:

«Summum bonum (Высшее благо) этой этики прежде всего в наживе, во всё большей наживе при

полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов; эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. Теперь уже не приобретение служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а всё существование человека направлено на приобретение, которое становится целью его жизни».

Это как раз тот случай, в оценке которого и Златоуст, и Климент согласны: здесь не богатство (приобретательство) служит человеку, а наоборот, человек служит богатству (приобретательству): здесь не только сердце стремится к любостыжанию, но и ум полностью подчинён этой страсти. Но у Вебера иной подход: он сознательно противопоставляет «дух капитализма» «традиционному обществу», в котором, как пишет Вебер, «человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, всё больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни».

Тут Вебер фактически говорит о том, что на смену «умеренной доктрине» пришла «протестантская этика» – новое религиозное мышление, открывшее шпозы капитализму. «Протестантская этика» считает, что погоня за наживой – разумеется, «мирная», осуществляемая методами капиталистической раскрутки капитала, – и есть вполне соответствующий христианству образ существования христианина с точки зрения хозяйственной деятельности.

Более того, становится очевидным, что «умеренная доктрина» потерпела поражение, причём именно от «протестантской этики». Ведь «традиционная» ментальность была выработана той самой «умеренной доктриной», которая прочно господствовала в католическом мире уже три века. Действительно, «богатство от Бога», «не нищета и не роскошь», «богатство не должно владеть человеком» – всё это совершенно не вписывается в «дух капитализма», который требует полной отдачи в деле погони за деньгами. А значит, «умеренная доктрина» держала капитализм «в чёрном теле», не давала ему расцвести, как это произошло, например, в Византии. На Западе случилось иначе: капитализм активно наступал на «традиционное» обще-

ство и в реформации наконец нашёл для себя освобождение. Таким образом, в истории «умеренная доктрина» оказывается слабым противником капитализма и после периода борьбы уступает ему. На примере католичества мы это увидели особенно ясно.

Но как же из протестантизма вышел «дух капитализма»? Вебер предлагает следующее рассуждение, состоящее как бы из четырёх фаз.

1) Исторический анализ показывает, что наибольшие успехи в деле «строительства капитализма» имели не лютеране, а кальвинисты. Но хорошо известно, что отличительной чертой кальвинизма является вера в предопределение, согласно которой человек заранее избран Богом либо ко спасению, либо предопределён к осуждению. И от самого человека тут ничего не зависит. Вебер пишет: "Совершенно очевидно, что рано или поздно перед каждым верующим должен был встать один и тот же вопрос, отнесящийся на задний план все остальные: избран ли я?"

2) Но каков критерий избранности? Вебер пишет: «Виртуоз религиозной веры может удостоверить в своём избранничестве, ощущая себя либо сосудом божественной власти, либо её орудием». Первое характерно для лютеран, второе – для кальвинистов. По мнению Вебера, удостоверение в своём избранничестве у кальвинистов достигается «подлинными, а не мнимыми добрыми делами», которыми «являются неутомимая деятельность в рамках своей профессии». «Она, и только она, прогоняет сомнения религиозного характера и даёт уверенность в своём избранничестве».

3) При этом Вебер подчёркивает две характерных для психологии кальвинистов черты. Первая – «мирской аскетизм», под которым он понимает отвержение роскоши и личную неприязнательность в быту. Вторая – выбор наиболее «доходной» профессии.

4) Суммируя обе черты, Вебер делает вывод: «Если же ограниченные потребности соединяются с высвобождением стремления к наживе, то объективным результатом этого будет накопление капитала посредством принуждения к аскетической бережливости. Препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его производительному использованию в качестве инвестируемого капитала». Как говорится, что и требовалось доказать: использование богатства не

для прожигания жизни, а в качестве капитала, который инвестируется в бизнес, – это есть самый настоящий капитализм.

В результате получается, что капиталистическое колесо накопления капитала раскручивается уже не низким стремлением к наживе, а религиозной верой, пусть и своеобразно понятой. Согласно анализу Вебера, протестантизм в лице его реформатской ветви сформировал новое учение о богатстве и собственности, согласно которому вести капиталистическую гонку и создавать состояния не только не грешно, но является нравственной обязанностью христианина. В терминологии Вебера протестантизм создало особую «протестантскую этику», важной составляющей которой является «дух капитализма», т.е. рациональное вкладывание денег в качестве инвестиций в дело. Этот «дух капитализма» и превратил существовавшие на западе предпосылки капитализма в настоящий, современный капитализм.

Критика теории Вебера

Критика Вебера далека от убедительности. Действительно, между «неутомимой деятельностью в рамках своей профессии» и неуёмной жадной делать деньги, которая как раз в профессиональном смысле совершенно беспринципна, дистанция огромного размера. Вебер пытается её преодолеть путём тонких умозаключений. Но где тонко, там и рвётся.

Интересно, что к теории Вебера сами кальвинисты относятся весьма скептически. Они, конечно, польщены тем, что Вебер придавал столь существенное значение кальвинизму в развитии капитализма. И к самому капитализму они относятся положительно. Но саму идею, что в догматику кальвинизма входит поощрение рационального и планомерного накопления капитала путём капиталистической раскрутки, они отрицали. Ибо не считают, что такая деятельность является признаком спасения. Иначе говоря, кальвинисты не принимают как раз главных звеньев в веберовских рассуждениях.

Неприятным для схемы Вебера является и замечание о том, что капитализм – это не только прокрутка денег с целью получения прибыли, но и потребление. Без расширенного потребления никакая раскрутка невозможна. Но такое потребление требует вовсе не «мирского аскетизма», а совершенно противоположного устройства – гедонизма, стремления получить наслаждение, в том числе и от ве-

щей. Так кому же должны были продавать новоявленные предприниматели, если члены общества, и в том числе они сами, исповедовали аскетизм? Неувязка, причём убийственная, разрушающая теорию Вебера в своей основе.

Надуманность веберовской концепции замечают многие учёные. Так М. Оссовская в своей книге «Рыцарь и буржуа» замечает: «Гипотетическая связь между верой в предопределение и духом капитализма, по-моему, не выяснена у Вебера должным образом. Я не вижу, почему пуританизм в его кальвинистском издании непременно должен был побуждать стремление к обогащению, хотя представляется достоверным, что он способствовал фактическому обогащению». Коллега Вебера по Гейдельбергскому университету известный социолог Вернер Зомбарт к «Протестантской этике» относится скептически, считая, что исследование Вебера «слишком тонкое» и явно преувеличивающее значение религиозного фактора в образовании капитализма. Представляется, что механизм, предлагаемый Вебером, хоть и остроумен, но, увы, не соответствует действительности. Это просто изобретение изощрённого ума, фантом, миф, который в реальности не действовал. Но как всё-таки протестантизм стимулировал капитализм?

Для протестантизма характерна недооценка святоотеческой традиции. Христианство создаётся ими чуть ли не с чистого листа – будто и не было полутора тысяч лет напряжённых поисков воли Божией, споров, заблуждений, пламенных молитв и откровений. И прежде всего отброшена традиция отношения к собственности, которой худо-бедно придерживались и католичество и Православие. Имущественное учение св. Иоанна Златоуста им полностью незнакомо. А ведь прежняя традиция, в лице «умеренной доктрины», являлась пусть не радикальной, но достаточно влиятельной силой, которая сдерживала жажду накопления. Теперь же все ограничения снимаются – всё это католический хлам, который должен быть выброшен. То, что было пререкаемо в католичестве, стало, в пику им, вполне допустимым и даже желательным. Кальвин в Женеве с лёгкостью разрешил процент, а его последователи дали теологическое основание этого. Ограничение, ставшее преградой развития капитализма, было снято. В Женеве стали стекаться люди чтобы накопить свои капиталы.

В целом доктрина протестантизма, в сравнении с католичеством, ещё более ориентирована на личное спасение и ещё менее склонна учитывать влияние общества. Но говорить, что протестантизм вовсе не имеет социальной доктрины было бы упрощением. Она имелась, но её лучше было бы назвать социальной психологией меньшинств. Дело в том, что протестантизм, и кальвинизм в особенности, по большей части существовали небольшими общинами, борющимися за выживание в условиях враждебного окружения. В связи с этим вырабатывалась своеобразная идеология, согласно которой наживать деньги ради общины было не только не зазорным, но рассматривалось как христианская добродетель. Позднее наши старообрядцы продемонстрировали совершенно аналогичную психологию.

Наконец, протестантизм родилось в то время, когда на дворе уже явно были видны ростки капитализма. Традиционное христианство родилось в совершенно других социально-экономических условиях, так что капитализм был для него уже «новшеством», против которого оно боролось, хотя и постепенно уступало его напору. Для протестантизма же капитализм был как бы естественной средой, и оно, не обременённое традицией, приняло его как своего.

Таким образом, «отвязанность» протестантизма от предыдущей христианской традиции, фактически полный разрыв с ней, и обусловили весьма легкомысленное отношение к имущественной этике. Причём чем более радикальным был разрыв с предыдущей традицией, чем более решительным было разрушение «средневековых ограничений», тем беспрепятственнее дух наживы проникал в умы верующих.

Отметим, что «протестантская этика» отвергает не только святоотеческое учение о богатстве и собственности, но и «умеренную доктрину»; она оказывается новой, третьей, типично западной концепцией, которая совершенно не соответствует православной традиции. Здесь и предопределённость к спасению и осуждению, которая совершенно не свойственна святоотеческому учению. Здесь и абсолютно несвойственный Православию поиск каких-то внешних знаков своего избранничества. Здесь и совершенно не евангельский необоснованное видение признаков своего спасения в удаче в бизнесе. И, наконец,

паразитическая подмена понятий – принятие собственных усилий в деловой области за промысел Божий. Разрыв с предыдущей христианской традицией полный.

Однако, помимо критиков, у Вебера есть и громадное количество сторонников, которые, безусловно, принимают его анализ. Его книги стали классикой: если уж на Вебера ссылаются (причём это делают и католики, и протестанты, и православные), то как на непререкаемого авторитета. Конечно, Макс Вебер – крупный социолог, выдвигнувший не только интересные социальные гипотезы (одну из них мы разобрали), но и являющийся выдающимся теоретиком социологии, разработавшим ряд новых и весьма полезных понятий. Но всего этого явно недостаточно, чтобы западное общество столь высоко подняло его на щит – ведь его называют Эйнштейном в социологии, а его «Протестантскую этику» – «самым известным социологическим трактатом за всю историю человечества» (Френсис Фукуяма). В чём же здесь дело?

Думается, что популярность теории Вебера заключается вовсе не в её научных достоинствах. «Веберизм» как идеология оказался востребованным для оправдания капитализма. Суть этой идеологии в том, что согласно ей капитализм получает религиозное оправдание, причём оправдание, исходящее из самой основополагающей концепции христианства – учении о спасении. Капитализм как бы получает благословение от христианства и тем самым сам принцип капиталистического накопления окрашивается в самые светлые моральные тона. По теории Вебера «подлинный» капитализм – это верующий аскет, живущий очень скромно и вкладывающий всю прибыль в производство, причём делает это он не ради прибыли, а ради Бога. Столь «благобразное», религиозное возникновение капитализма – слишком ценный подарок, чтобы от него отказаться. А потому весь современный Запад на все лады стремится доказать, что христианство благословило капитализм. Причём налицо умолительный «экуменизм». Ныне и протестанты, и католики активно разрабатывают «новейшую протестантскую этику», признание которой просто: религиозно оправдать и обосновать современный либеральный капитализм, который вырос вовсе не из христианства, а явился тривиальным следствием победы страсти любостяжания в хозяйственной этике.

Влияние протестантизма на экономическую теорию: меркантилисты, физиократы, классическая школа

Протестантизм, как мы указывали, открыл шлюзы капиталистическому развитию экономики. Так в Англии создаётся Вест-Индская компания, являвшаяся орудием создания колониальной Британской империи и ворочавшая огромными капиталами. Естественно, начинает развиваться экономическая теория. Если раньше и в католичестве, и в Православии осмысление экономических явлений носило, в основном, нравственный характер, то резко теперь изменяется точка зрения: не как нравственно, а как выгодно. Точнее, происходит совмещение: нравственно то, что выгодно. Не удивительно, что первые экономические школы возникли в протестантских странах.

Меркантилизм. Сначала экономическая теория стала рассматривать выгоду страны в целом – это всё же было проще объяснить с моральной точки зрения. Уже в конце XVI в. в Англии появилась меркантилистская литература, (Слово «меркантилизм» – от мерчант – купец). Основная масса сочинений меркантилистов пришлось на XVII в. Они пытались дать правительству советы по организации выгодной внешней торговли: обеспечить монополию отечественных коммерсантов, избежать конкуренции и, главное, обеспечить приток в страну денежных средств, для чего предлагается торговать не дешёвым сырьём, а дорогими изделиями ремёсел или фабрик.

Меркантилизм стал развиваться также в Германии и Нидерландах. Впрочем, подобные сочинения появлялись также во Франции и в Италии. Последняя известна своими «торговыми республиками»: Венецией, Флоренцией, Генуей.

Дальнейшее развитие экономики поставило перед экономической теорией проблему объяснения экономических механизмов производства и распределения. Для этого уже было необходимо преодолеть меркантилизм с его тенденцией всё объяснять наличием или отсутствием в государстве золотой монеты. Интересно, что католический континент (Франция) и протестантская Англия эту задачу решали различно.

Физиократы. Во Франции в XVIII в. большое влияние стала оказывать идеология просвещения, которая считала, что век феодализма должен расти под лучами солнца разума. Под влиянием идеи

«естественного человека», характерного для Просвещения, и образовалась школа физиократов (от «физис» – природа, «кратос» – власть). Физиократы считали, что всё богатство в конечном счёте происходит от использования земли, т.е. от природы. Только земля создаёт чистый продукт, являющийся народным богатством. Промышленная же обработка сельскохозяйственного сырья, по их мнению, чистого продукта не создаёт, а только придаёт сырью новую форму. Соответственно, труд промышленного рабочего рассматривался как непроизводительный (и следовательно, не мог облагаться налогом). Но чтобы получить чистый продукт, необходимо приложение труда. При этом физиократы рекомендовали меньше вмешиваться в дела земледельцев, дать им экономическую свободу. Отсюда их лозунг *laissezfaire* («лесэ фер» – не мешать). Однако католическая закваска физиократов не позволяла им дать волю буржуазии. Наоборот, они ратовали за укрепление власти аристократии, поскольку именно она в основном владела землёй – этой единственной кормилицей народов.

Классическая экономическая школа. В Англии, тесно связанной с протестантизмом, экономическая теория развивалась иначе. С каждым годом влияние религии слабее, английская философия XVII–XVIII веков развивает концепцию материализма (Гоббс, Локк, Юм), а в социальной области – теорию общественного договора. В то же время в Англии наблюдается бурное развитие капитализма. Государство из этого пытается извлечь выгоду, а потому в экономике в этот период активно обсуждается проблема налогового обложения. Но развитие рыночных отношений требует преодоления наследия меркантилистов и разработки проблемы цены – основного понятия, с которым сталкивается рынок. Эту задачу пытаются решить Адам Смит, знаменитая книга которого «Богатство народов» вышла в 1776 г.

Разумеется, все экономисты видели, что без труда создание товаров невозможно. Но Смит первый высказал мысль, что «труд представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров». Впрочем, в дальнейшем изложении Смит от этой мысли отказывается, указывая, что цена в общем случае имеет три составляющие: зарплату рабочих, прибыль предпринимателя и ренту владельца земли. Последние две состав-

ляющие, по мнению Смита, законны, поскольку земля и капитал участвуют, наряду с трудом, в процессе создания товара, а потому их владельцы имеют право на вознаграждение. Таким образом, Смит считал производительными три основных класса: наёмных рабочих (в том числе и промышленных), земледельцев и капиталистов-предпринимателей. Смит различает цену и меновую стоимость. Цена колеблется вокруг стоимости под действием спроса и предложения. Причём рынок имеет как бы «невидимую руку», которая регулирует эти факторы, обеспечивая его устойчивость. Чем больше будет экономической свободы, тем «невидимая рука» будет лучше работать, а потому Смит, вслед за физиократами, приветствует лозунг *laissezfaire*.

Вся концепция Смита была направлена на оправдание буржуазии, которая тоже, по Смицу, является производительным классом. В этом англичанин Смит расходится с католиками-физиократами. Его младший современник Давид Рикардо (1772–1823), попятив на непоследовательность Смита, утверждал, что затраты труда, и только они, определяют цену товара. Ибо капитал – это накопленный труд, а земля быстро истощается. Рикардо окончательно хоронит идею производящей силы земли как единственного источника богатства.

Таким образом, протестантизм создаёт условия для развития экономической науки. Но одновременно он обуславливает её направленность на интересы нового класса – буржуазии.

Соответствие между парадигмами и экономическим строем

Рассмотрев основные парадигмы христианского отношения к экономической сфере, мы теперь можем понять, каков же социальный идеал каждой из парадигм. «Экономика чуда» вопросом социального устройства не обеспокоена. Для остальных же парадигм желательный экономический строй можно легко спроецировать на социальные явления XX века.

Для святоотеческой концепции – это социализм, реализующий не просто социальную справедливость, но и общность имущества; для «умеренной доктрины» – это корпоративный строй, сохраняющий, однако, частную собственность на средства производства; для «протестантской этики» – это либеральная рыночная экономика.

Николай СОМИН

СВЯТОЙ ИСПОВЕДНИК РОМАН, пресвитер Малоарославецкий

1937 год. Начало осени. Канун праздника Усекновение честной главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. От малоарославецкого Казанского храма идёт траурная процессия. За гробом идут священник Зосима, родственники, духовные дети почившего и прихожане. На городском кладбище у гроба почившего протоиерея Зосима сказал краткое слово, в котором отметил, что ушёл из жизни нерея Божий, исповедник веры Православной, сослуживец, протоиерей Роман.

Многолетняя жизнь протоиерея Романа Медведа представляет целый ряд тяжёлых трудов, многих скорбей, жизненных и тюремных скитаний, которые воспитали в нём твёрдую, неподдельную веру в Бога, покорность Его святой воле и вместе с этим сообщили душе его образ незлобия и кротости, а также обязательной, влекущей к себе, простоты духовносыных старцев.

Священноисповедник Роман родился 1 октября 1874 года в местечке Замостье Холмской губернии в семье учителя прогимназии Ивана Иосифовича Медведа и Марии Матвеевны, работавшей акушеркой. В семье было семеро детей – пять сыновей и две дочери. Роман был вторым ребёнком в семье. Отец его умер рано, когда Роману исполнилось двенадцать лет.

Роман учился в Холмской Духовной семинарии в то время, когда ректором её был архимандрит Тихон (Белавин), будущий Патриарх. Окончив в 1892 году семинарию первым учеником, Роман Иванович поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1897 году со степенью кандидата богословия. Во время обучения в академии Роман Иванович познакомился с протоиереем Иоанном Кронштадтским и, став его духовным сыном, ничего впоследствии не предпринимал без его благословения. Духовное окормление отца Иоанна оказало большое влияние на будущее служение Романа Ивановича – став пастырем, он центром своей деятельности сделал литургическое служение, и бывали годы, когда он служил ежедневно.

По окончании академии Роман

Священник Роман Медведь. 1905 г.

Иванович был назначен помощником инспектора, затем инспектором Виленской Духовной семинарии и прослужил в этой должности до 1900 года. 7 января 1901 года Роман Иванович по благословению отца Иоанна Кронштадтского сочетался браком с Анной Николаевной Невзоровой, которая училась на медицинских курсах вместе с сестрой Романа Ивановича Ольгой. Отец Анны Николаевны служил священником в Старорусском уезде Новгородской губернии.

3 марта 1902 года епископ Черниговский и Нежинский Антоний (Соколов) рукоположил Романа Ивановича в сан священника ко храму Воздвижения Креста Господня, находившемуся в имении помещика Нешпово, возглавлявшего в то время Крестовоздвиженское братство, в основу деятельности которого были положены скорее коммунистические идеалы, нежели христианские.

И вот в 1902 году отец Роман получил назначение на службу в храм Марии Магдалины в Санкт-Петербурге. Здесь во время его служения образовалась многочисленная духовная община, и было организовано общество трезвенников. Священник всего себя посвящал приходской деятельности, и эти несколько лет напряжённой жизни сказались на состоянии здоровья: он и его жена заболели туберкулёзом, и дальнейшее пребывание в климате Санкт-Петербурга было сочтено врачами опасным для них. Но была и иная причина переезда

отца Романа из Петербурга.

В 1907 году на квартиру к нему пришёл Григорий Распутин, и отец Роман, будучи человеком прямым, счёл нужным в лицо высказать пришедшему своё мнение о нём. В гневе и раздражении покинул тот священника и вскоре ему отомстил. Через две недели последовал указ Святейшего Синода о переводе отца Романа полковым священником в город Томашов Польский, на границу Польши с Германией.

Перед тем как туда отправиться отец Роман с женой поехал к отцу Иоанну Кронштадтскому и рассказал о случившемся.

«Это всё кратковременно, всё будет хорошо, скоро он о тебе забудет», – сказал отец Иоанн.

И действительно, уже через несколько месяцев пришёл указ о назначении отца Романа настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора в Севастополе и благочинным береговых команд Черноморского флота. В его подчинении были Свято-Владимирский собор и храмы Покрова Божией Матери, Архистратига Михаила на Екатеринбургской улице и святителя Николая на Братском кладбище на Северной стороне и около пятидесяти священников.

Летом 1912 года произошло восстание матросов на линкоре «Святой Иоанн Златоуст». Для оздоровления нравственной обстановки среди моряков отец Роман предложил командованию флота употребить духовное средство – индивидуальную исповедь, дабы с помощью таинства покаяния поднять дух моряков. Командование согласилось.

После ликвидации восстания командующий флотом обратился к протоиерею Роману с вопросом – нужно ли вводить во флоте тайную полицию для выявления настроения моряков? Отец Роман заверил командующего, что настроение моряков здорово, и тайная полиция введена не была. По поручению командующего протоиерей Роман написал и выпустил книгу «Дисциплина и товарищество».

Многие послушания в Свято-Владимирском соборе несли в то время сами матросы, на них же был возложен и тарелочный сбор. Некий моряк по фамилии Докукин

решил этим воспользоваться и стал красть церковные деньги. Вскоре он был уличён и по распоряжению отца Романа отправлен на корабль. После февральской революции 17-го года был организован солдатско-матросский революционный комитет, и Докукин стал его председателем.

В декабре 1917 года комитет постановил арестовать и расстрелять протоиерея Романа. Но отсутствие его на Рождественском богослужении могло вызвать возмущение верующих, поэтому комиссары решили исполнение постановления отложить до святых. Но один из матросов предупредил супругу священника о готовящейся расправе, и она купила билет на поезд, который отходил в самый день Рождества. Отслужив Рождественскую службу, отец Роман, не заходя домой, отправился на вокзал. Хорошо знакомый ему начальник вокзала посадил его в вагон ещё до того, как состав был подан к перрону.

Все вещи Анна Николаевна отвезла накануне, и они были заблаговременно отнесены в купе. Во время посадки пассажиров на перроне дежурила революционная стража на случай, если бы отец Роман решил уехать, и ночью члены революционного комитета пришли арестовывать священника. Они перерыли весь дом, допросили Анну Николаевну, которая во всё время обыска держала на руках шестимесячную дочь Ирину. Анна Николаевна держалась мужественно, сказала ничего не знающей о местонахождении мужа, и матросы ушли, но затем приходили с обысками ещё несколько раз.

Протоиерей Роман благополучно добрался до Москвы и направился к Патриарху Тихону, который благословил его служить и проповедовать в московских храмах.

В мае 1918 года ВЧК арестовала настоятеля храма Василия Блаженного протоиерея Иоанна Восторгова, и в сентябре того же года он был расстрелян. Тогда Патриарх Тихон назначил настоятелем храма протоиерея Романа. В это время при храме уже существовала большая община, и отец Роман с усердием поддерживал сделанное его предшественником – вдохновенными проповедями, беседами на евангельские темы, неспешно проводимой исповедью.

25 февраля 1919 г. власти закрыли храм Василия Блаженного, и Патриарх Тихон назначил протоиерея Романа настоятелем храма святителя Алексия, митрополита Московского, в Глинцевском переулке.

Ещё в самом начале церковной

деятельности отца Романа в Москве власти не раз его арестовывали, впервые – в 1919 году. Во время одного из арестов его допрашивал председатель ВЧК Дзержинский, который предложил священнику покинуть Советскую Россию. Священник отказался и убедил представителя власти, что его отношение к Советскому государству вполне лояльное и находится в пределах, определённых апостолами, которые заповедали молиться о властях римских, относившихся в то время к христианской Церкви не менее враждебно, чем советская власть.

Протоиерей Роман в 20-е годы

В 1919 году по благословению Святейшего Патриарха Тихона протоиерей Роман организовал Братство ревнителей православия в честь святителя Алексия, митрополита Московского. С этого времени для отца Романа начался особый период жизни, продолжавшийся более десяти лет, – период духовного окормления. Многие люди благодаря чрезвычайным трудам протоиерея Романа нашли путь к Церкви Христовой, путь ко спасению.

В то время в Церкви большим авторитетом пользовался старец протоиерей Алексей Мечев. Он очень уважал отца Романа за его ревностную углубленную работу, а когда сам лично побывал в храме святителя Алексия, сказал отцу Роману: «У тебя стационар, а у меня только амбулатория».

Шли годы усердного служения. Но вот в 1927 году была опубликована декларация митрополита Сергея, по поводу которой в церковной среде возникли разногласия, причём высказывались самые противоположные суждения. Протои-

рей Роман счёл нужным написать письмо к священнослужителям и мирянам, в котором увещевал не разрывать канонических отношений с митрополитом Козием и не становиться жертвой злого врага нашего спасения.

Некоторые из девушек-прихожанок после нескольких лет пребывания в братстве изъявляли желание принять монашеский постриг. Отец Роман получал в этих случаях благословение Патриарха Тихона, а после его кончины заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея.

В конце двадцатых годов власти стали преследовать семью священника. И поэтому духовный собор Высокопетровского монастыря, в который входили игумен Митрофан и иеромонах Агафон, единодушно решил: чтобы избавить от преследований семью протоиерея Романа, ему необходимо оформить официальный развод. Подчинившись духовному авторитету наставников, супруги оформили развод, и впоследствии, когда отец Роман писал письма, он адресовал их на имя дочери Ирины.

В 1930 году власти выселили священника из церковной квартиры. Стараниями духовных детей была выстроена небольшая дача в деревне Ольгино вблизи станции Железнодорожная, неподалёку от Москвы, куда отец Роман переехал жить, а семья его переехала в город Пушкино к его духовной дочери Маргарите Евгеньевне Ветелёвой. В дни, когда не было служб или когда он не мог служить по болезни, в Ольгино стали приезжать на исповедь и за советом его духовные дети.

К этому времени жизнь в приходе, которым руководил протоиерей Роман, стала весьма заметным явлением. Поэтому ОГПУ установило усиленный надзор за храмом святителя Алексия, ставя своей целью его закрытие. Среди членов общины оказались люди, которые были сломлены психологическим террором и угрозами сотрудников ОГПУ и согласились давать любые показания. На аресте священника настоявал и бывший председатель революционного совета в Севастополе Докукин, который к тому времени переехал в Москву (впоследствии он стал заведующим кафедрой общественных наук в одном из институтов).

Власти приступили к проведению очередной кампании по закрытию храмов и арестам церковносвященнослужителей. Своих духовных детей протоиерей Роман предупредил о предстоящих испытаниях,

чтобы каждый взвесил, сможет ли перенести арест и не впасть в пагубное искушение. Прихожане настолько любили своего пастыря, что никто не захотел покинуть его и перейти в другой храм.

На следующий день после праздника Сретения Господня, 16 февраля 1931 года, ОГПУ арестовало протоиерея Романа и около тридцати членов братства святителя Алексия. Когда прихожане утром пришли в храм, он был заперт, и уже было известно об арестах.

После ареста священника и прихожан храм был закрыт и вскоре был разрушен. Сразу же после ареста начались допросы. Арестованные держались мужественно, показав себя твёрдыми в вере и благодарными в ответах. Если отвечали, то лишь о религиозной жизни прихода, которая была далека от какой бы то ни было политической деятельности.

Один из обвиняемых показал: «Когда отец Роман Медведь пригласил меня на службу, у него при храме уже было много народа. Службу он отправлял ежедневно (утром литургия, вечером – всенощная) при участии певчих из молящихся. Им было устроено братство... Так как члены братства были люди разных профессий, то им вменялось посещение больных, уход за ними, медицинская помощь, помощь бедным, утешение скорбящих. Отец Роман три раза в неделю устраивал в храме беседы: один раз с юношами и два раза со взрослыми, причём с обменом мнениями относительно текста из главы Евангелия... Сёстры приняли на себя обязанности по храму: у каждой сестры была та или иная икона, подсвечник, лампада, они протирали иконы, чистили подсвечники, наливали в лампы масло, мыли в храме полы, чистили ковры, продавали свечи... Цель воспитания членов общины – это жизнь по Евангелию... Немалое влияние на народ оказывали исповеди и соборования, перед которыми протоиерей Роман произносил слово. Влияние его было настолько велико, что некоторые из слушателей, членов братства, приняли священство (Пётр Степанович Степанов, Иван Васильевич Борисов) или монашество... Немалое влияние на прихожан оказывало то, что отец Роман, в дни именин и в другие дни, приглашал к себе на квартиру на чай, где опять же велись беседы. К тому же летом, когда отец Роман жил на даче, у него поочерёдно гостили сёстры».

Следователи обвиняли протоиерея Романа в том, что он, будучи

священником в Севастополе, буд-то бы выдал участников революционного мятежа, воспользовавшись исповедью. Отвечая на это обвинение, отец Роман сказал: «Я был благочинным береговых команд Черноморского флота. Летом 1912 года в городе Севастополе было восстание матросов. В то время я был на даче в пятнадцати километрах от Севастополя. По возвращении в Севастополь я для поднятия духа матросов предложил командиру полужкипача Сильману провести индивидуальную исповедь матросов, что мною и было сделано. Так как команда была в то время безоружна, после исповеди командир полужкипача спрашивал меня, можно ли доверить команде оружие, на что я ответил, что настроение среди матросов вполне здоровое и оружие доверить можно...»

Следователи добились, чтобы отец Роман назвал всех, кто был тайно пострижен в монашество, и рассказал, где и когда это происходило. Назвал только тех, кто сам рассказал о принятии ими монашеского пострига, отец Роман далее сказал: «О происходивших других тайных постригах из числа членов моего братства показывать по своим религиозным убеждениям отказываюсь».

У властей не было никаких данных о контрреволюционной деятельности священника, и на допросах следователи не спрашивали о характере его проповедей или бесед. Арест отца Романа обосновывался тем фактом, что священник, несмотря на гонения на Церковь и вопреки очевидно враждебному отношению властей к православию, проводил активную церковную деятельность, воспитывая прихожан своего храма в церковном духе, научая их быть сознательными последователями Христа и просвещёнными исповедниками веры. Отец Роман и арестованные члены общины были заключены в Бутырскую тюрьму. Следствие было завершено через два месяца, и 26 апреля 1931 года было составлено обвинительное заключение, в котором отец Роман и прихожане храма святителя Алексия обвинялись в том, что они являлись «членами контрреволюционной организации»... «Участниками организации проводились нелегальные собрания под руководством Медведя, на которых велась работа по воспитанию членов организации в антисоветском духе. Участниками организации были в большинстве советские служащие; некоторые из них занимали большие должности в советских учреждениях. Кроме того, из

числа особо активных участников организации Р. И. Медведь организовал орден «тайных монахов». Участники ордена, как правило, должны были выполнять все поручения своего руководителя... самый факт монашества тщательно скрывался. Участники ордена продолжали оставаться на советской службе и носить светскую одежду. Р. И. Медведь обвиняется в том, что он организовал и руководил контрреволюционной организацией... А. И. Туманова, А. С. Соколова, А. А. Дице, З. П. Берзинь, Л. Ю. Бергман, Е. Ю. Бергман, В. В. Рейнберг, М. Н. Малыгина, Н. В. Каверыгина обвиняются в том, что они были активными членами контрреволюционной организации... тайных монахов, все остальные обвиняемые обвиняются в том, что они были активными участниками контрреволюционной организации «Братство ревнителей православия», посещали нелегальные собрания и вели антисоветскую агитацию».

30 апреля 1931 года Коллегия ОГПУ приговорила двадцать четыре члена общины храма святителя Алексия к различным срокам заключения и ссылки; 10 мая того же года протоиерей Роман был приговорён к десяти годам заключения в концлагере.

2 июня 1931 года состоялось свидание с родственниками, на следующий день протоиерей Роман был отправлен в один из лагерей Беломорско-Балтийского управления северных лагерей ОГПУ и 9 июня того же года прибыл в город Кемь.

26 июля 1936 года окончился срок заключения, протоиерей Роман был освобождён из лагеря и поселился в окрестностях Волоколамска. Затем его перевезли под Москву в посёлок Валентиновку к духовной дочери, Маргарите Евгеньевне, муж которой, Александр Андреевич Ветелев, впоследствии стал священником. Здесь отец Роман прожил три месяца. Но туберкулёз, которым он болел ещё в молодости, за время его заключения усилился настолько, что стал угрожать его жизни, а здешний климат оказался неподходящим для такого рода больных.

Один из друзей священника, с которым он несколько лет делил заключение, позвал его к себе в город Черкассы Харьковской области, куда отец Роман и переехал. Но здоровье его и здесь ухудшалось, а отсутствие родных и отдалённость духовных детей создавали дополнительные трудности и беспокойства. Здесь он прожил несколько месяцев. Анна Николаевна в это время подыскивала место,

где отец Роман мог бы поселиться. И тогда ему предложили поселиться в городе Малоярославце, Калужской области. Здесь был благочинным и служил в Казанском храме, после возвращения из концлагеря, протоиерей Зосима Трубочёв.

Перед тем как отъехать в Малоярославце, 25 мая 1937 года отец Роман остушился на крыльце домика в Черкассах и сломал пораженную туберкулёзом ногу, что до конца жизни лишило его возможности передвигаться самостоятельно. Анна Николаевна перевезла отца Романа в Малоярославце. Здесь за ним ухаживала одна из его духовных дочерей, время от времени приезжали помогать Анна Николаевна с дочерью Ириной, духовные чада отца Романа. 5 июля 1937 года отец Роман просил написать старцу Зосимовой пустыни игумену Митрофану, которого он особенно почитал, и поблагодарить за его святые молитвы.

22 июля отец Роман попросил духовную дочь записать под его диктовку заветные и дорогие ему мысли о Церкви. Диктовал, несмотря на то, что боли всё это время не прекращались. «Вокруг постели тишина и мир, — отметила она, — поразительна кротость батюшки и его покорность воле Божией».

По приезде в Малоярославц протоиерей Роман, несмотря на болезнь, стал служить литургию, которая была для него великим утешением.

27 июля его духовная дочь записала в дневнике, что батюшка говорил ей: «Я хотел бы достичь чистоты в молитве полной, чтобы она загоралась сразу как пламя и была бы чистой, но сейчас такие боли у меня, что я молюсь с перерывами. Боли останавливают молитву, не дают покоя. Иисусова же молитва по милости Божией всегда со мною непрестанно. Литургия — это моя единственная улада и утешение. Я не могу без неё жить. Не могу себя лишить её».

На следующий день «после утренних молитв и литургии батюшка просил отложить еду и чаепитие, ему хотелось побыть в тишине и молчании. Днём батюшка сказал, что сегодня после литургии чувствовал себя особенно хорошо, радостно и покойно».

Летом 1937 года власти приняли решение о массовом аресте священнослужителей. В июле двое сотрудников НКВД пришли в дом к протоиерею Роману и предъявили Анне Николаевне ордер на арест мужа. В это время у отца Романа открылось лёгочное кровотечение, и Анна Николаевна сказала им:

«Вы видите, он умирает. Ну, берите, мне ещё лучше будет, не надо будет его хоронить».

Сотрудники НКВД посмотрели на священника, и один из них недобролюбно пробормотал: «Там своих покойников хватает».

И они развернулись и ушли.

Вскоре состояние здоровья протоиерея Романа ухудшилось настолько, что он уже не мог совершать литургию. Накануне праздника Преображения, 18 августа, он попросил позвать к нему протоиерея Зосиму, чтобы исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин. Когда тот пришёл, батюшка долго исповедовался и горько плакал, затем приобщился Святых Христовых Таин и, со слезами поблагодарив отца Зосиму, поцеловал его руку. Спустя десять минут после ухода священника приехал к отцу Роману игумен Митрофан. Их встреча была исполнена искренней взаимной любви. Игумен Митрофан предложил ему принять монашеский постриг. Отец Роман согласился, и игумен спросил: «В какой чин?» — «В первоначальный», — ответил отец Роман. В тот же день протоиерей Роман был пострижен в расофор с наречением имени Иосиф. Прощаясь, игумен Митрофан поклонился батюшке в ноги, и затем они обнялись, обливаясь слезами.

Во все последующие дни протоиерей Зосима ежедневно причащал отца Романа. 6 сентября протоиерей Роман сказал ухаживавшей за ним духовной дочери: «Смерть на расстоянии двух дней, и тогда конец. Остались последние денёчки. Я поставлен Господом быть ответчиком — и буду, как пример для других».

В этот же день отец Роман продиктовал Анне Николаевне письмо духовным детям: «Дорогие, все бывшие духовные дети мои! Я тяжело болен, и дни мои сочтены. Христиане перед смертью прощаются и примиряются друг с другом. Прошу простить меня во всём, в чём я согрешил перед вами: делом, словом, помышлением. Со своей стороны, во всём, в чём вы согрешили против меня, я властью, мне данной от Господа нашего Иисуса Христа, прощаю и разрешаю во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Недостойный протоиерей Роман Медведь».

Ночью отец Роман сказал: «Свет Божественный здесь... — и указал рукою вверх. — Расчёты сводятся к концу... Давайте скорее кончать...» В четыре часа отец Роман успокоился и сказал: «Слава Богу, хорошо!..»

8 сентября в шесть часов утра пришёл протоиерей Зосима; отец Роман причастился и успокоился. Весь день он лежал, почти не шевелясь, с закрытыми глазами. Около пяти часов вечера он открыл глаза, протянул обе руки вперёд, и его лицо озарилось сердечной и кроткой улыбкой. Затем он откинулся на подушку и впал в полубезыбие. Вскоре у него стали холодеть руки и ноги. Одна из его духовных дочерей стала читать молитвы на исход души. Отец Роман открыл глаза и посмотрел высоко вверх, потом повёл глазами вправо и склонил голову к плечу. Затем вздохнул ещё несколько раз... В семь часов вечера 8 сентября 1937 года душа священноисповедника отошла ко Господу.

В девять часов вечера пришёл протоиерей Зосима облачить почившего.

Спустя 62 года, 3 августа 1999 года, по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II были обретены мощи священноисповедника Романа и перенесены в Москву в храм Покрова Божией Матери на Лыщиковой горе.

**Святой священноисповедник
Романе, моли Бога о нас.**

Публикацию подготовил
Олег КИЗЯЕВ, член епархиальной коллегии по канонизации

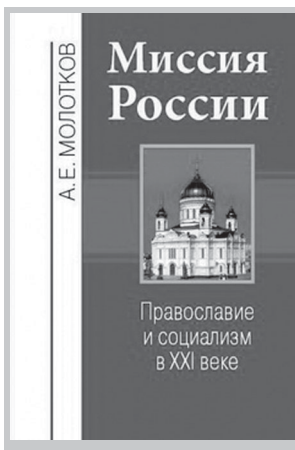
Миссия России

Из книги "Миссия России. Православие и социализм в XXI веке" (С-Пб., 2008)

От редакции: Сегодня в условиях кризиса особенно актуально звучат размышления о роли Православия в формулировании иной модели хозяйствования и даже самого мироустройства альтернативного дискредитированной протестантско-иудейской модели, господствовавшей последние несколько столетий. Статья Александра МОЛОТКОВА даёт возможность поразмышлять на эту тему.

Одной из важнейших проблем нашего времени, существенно тормозящей процессы национального возрождения, является актуализация православного миропонимания в сфере социально-общественной жизни. Обладая безусловным моральным авторитетом, православие, тем не менее, очень слабо отражается на реальной общественной жизни, оставаясь своего рода заповедником христианской духовности без какой-либо практической связи с общественным бытием. Социально-общественная жизнь идёт своим мирским чередом, а Церковь при этом как некая духовно-религиозная «лечебница» лишь утешает страждущих, вразумляет заблудших и поддерживает немощных, не имея какого-либо существенного влияния на макросоциальные процессы. Робкая попытка Церкви как-то обозначить своё отношение к обществу и государству в современных исторических условиях, изложенная в «Основах социальной концепции РПЦ», носит, к сожалению, чисто декларативный и половинчатый характер, являясь идеологически неопределённым документом. Не случайно многие положения этой концепции в силу своей отбечаемости и сомнительного нравственно-идеологического универсализма оказались вполне приемлемы и для социальной концепции другой «традиционной религии России» – иудаизма, во многом буквально слово в слово продублировавшей концепцию РПЦ.

Может показаться, что такая явно заниженная социальная роль Церкви в современном российском обществе связана со специфической исторически переходного состояния, в котором православная Церковь оказалась после почти векового вынужденного отсутствия в российском обществе, и что стоит лишь приложить ещё некоторые дополнительные усилия, и былое единство Церкви и общества восстановится само собой. Однако это

далеко не так... За этим явлением стоит значительно более серьёзное обстоятельство: проблема отношений Церкви и общества имеет собственную, очень давнюю и во многом болезненную историю, которая лишь в наше время открылась в своих клинических проявлениях. Суть её в том, что общество, являясь периферией Церкви и в то же время периферией мира, есть духовно неустойчивая, переходная область человеческого существования, где перманентно встречаются и противостоят греховное начало мира и благодатное начало Церкви. На протяжении всей христианской истории этот процесс шёл с переменным успехом для той и другой стороны, и наше время лишь подводит итоги этого незримого духовно-исторического противостояния.

В первые века христианства противостояние Церкви и языческого мира было более жёстким и выражалось в открытых формах гонений на христиан, но со времён Константина и Юстиниана перешло в скрытую латентную форму. Фактически, когда христианство стало господствующей религией, и каж-

дый подданный огромной греко-римской империи обязывался быть христианином под страхом наказания, произошло смешение двух миров – благодатного мира Церкви и греховного мира языческого общества, в результате чего и образовалось то «светское» христианское общество, которое, конечно же, нельзя было признать действительно христиански преображённым. Это было исторически условное, компромиссное решение задачи о христианском обществе как первичной основе «христианского государства». Характеризуя специфику этого новообразованного (вторичного) христианского общества, В.Соловьёв писал: «Прежнее, действительно христианское общество, расплылось и растворилось в христианской по имени, а на деле – языческой громаде. Преобладающее большинство поверхностных, равнодушных и притворных христиан не только фактически сохранило языческие начала жизни под христианским именем, но всячески старалось – частью инстинктивно, а частью и сознательно – утвердить рядом с христианством, узаконить и увековечить старый языческий порядок, принципиально исключая задачу его внутреннего обновления в духе Христовом» [1].

В результате, несмотря на видимое историческое торжество Церкви, общественная жизнь развивалась по линии собственной социально-исторической инерции, сохраняя своё несовершенство (часто ещё языческое) со всей неумолимостью эмпирического детерминизма. По существу именно здесь, в общественных формах бытия, как внешне относительно Церкви мире, была локализована и сохранялась вся масса («традиция») человеческого греха, которая как историческое наследие языческого мира продолжало довлеть над христианским обществом. Церковь же, занятая внутренним историческим становлением (борьба с ересями,

выработка догматики, отношения с властью и т.д.), во всю свою историю не имела достаточно духовных и властных сил для серьёзных попыток вмешательства в общественное бытие для уменьшения в нём влияния греховного (языческого) начала. И это несмотря на то, что фактически всё поле общественной жизни являлось со времён раннего средневековья «внешним телом» самой Церкви, ведь абсолютное большинство членов общества являлись её крещёными чадами. В этом есть очевидное эклизиологическое противоречие... Попытка Церкви разрешить это противоречие в форме «симфонии» не привела к какому-либо существенному разрешению этого вопроса, сводясь в основном к общему прагматическому выстраиванию политических отношений между Церковью и мирской властью. Причём чаще именно мирская власть в этом договоре о «симфонии» в силу чисто эмпирических причин доминировала над властью духовной... В результате, несмотря на то, что христианство в римской империи являлось государственной религией, общественные отношения оставались почти языческими: «христианская государственность при нехристианских общественных отношениях – вот что такое константиновская эпоха» [2]. Да и сам вопрос о «симфонии» так и не приобрёл в исторической Церкви своего законченного догматического оформления, оставаясь своего рода формой общественного договора между Церковью и мирской властью для более сносного сосуществования двух качественно различных миров.

Таким образом, общество, являясь фактически телом Церкви, не являлось прерогативой деятельности Церкви (!), но практически полностью оставалось (и остаётся доныне) под властью греховного мира. Очевидно, такое положение не может быть признано нормой и требует пристального эклизиологического осмысления. Как нельзя говорить о спасении человеческой души при греховности человеческого тела, так нельзя ожидать спасения Церкви при греховном бытии общества, составляющего её эмпирическое мирское тело. «Кто не собирает со Мною, тот расточает» [Мф. 12, 30] – если не Церковь преображает мир (общество) сво-

ей святостью, то мир «преображает» Церковь своей греховностью, подчиняя её деятельность своим законам, т.е. тому, что и называется апостасией – отступлением Церкви от христианской Истины.

Социальная сфера – это не частный вопрос «нравственного богословия», это вопрос догматического самоопределения Церкви в мире, вопрос о внутреннем единстве её духовно-социальной природы, о смысле и предназначении её существования в человеческой истории. Отпадение социального (внешнего) тела Церкви от её (внутренней) Богооткровенной Истины чревато историческим крушением Церкви, – что и произошло в недавней русской истории. Именно распадение аспектов земного и небесного (общественного и культового) служения Церкви раскрывает нам тайну трагедии русской Церкви в XX веке, павшей как «царство, разделившееся само в себе». Внутренние первоисток этой трагедии ещё далеко не осмыслены церковным сообществом в качестве повода для покаяния и глубокой переоценки социальных вероучительных установок. Хотя масштаб трагедии, казался бы, вызывает к фундаментальности такой переоценки.

Одной из немногих попыток подобного социального анализа церковной катастрофы XX века является статья Н.Сомина «По грехам нашим», в которой автор, в частности, пишет: «...Большевики обличили нас, христиан, в нежелании строить праведное общество. А по сути дела – обличили нас в фарисействе, в безлобовности, в стремлении протиснуться в Царство Божие обрядовой праведностью. Мы должны не проклинать их, а благодарить за науку, каяться и исправлять свои ошибки, учась лучшему, что дала советская цивилизация».

Причём нам следует чутко присмотреться к той духовной логике, в рамках которой совершался суд Божий. Игнорируя социальное поле битвы за правду Божию, Церковь оказалась наказанной именно социальным движением, на знамёнах которого были написаны лозунги восстановления справедливости и правды земной. Не услышав призыв Бога строить вместе с Ним Царство Божие на земле, Церковь стала гонимой от людей, которые вознамерились строить на земле

рай без Бога. Отвергнув христианский социализм, Церковь была судима социализмом атеистическим. Нам нужно внимательно прочитать евангельскую притчу о званых на пир [Мф. 22, 2-14; Лк. 14, 16-24], где Господь «послал звать званых на брачный пир; и не хотели прийти» [Мф. 22, 3]. Вот и тогда в России Господь призвал своих избранных к работе на социальном поприще. Но избранные отнекивались: «Надо правило вычитать», «надо храм подновить», «надо епархию объехать». И тогда Господь в гневе «сжёг город их» [Мф. 22, 7], а на это служение призвал других «кого только нашли, и злых и добрых» [Мф. 22, 10], далеко не в брачной одежде и делавших дело по своему разумению. Повторим, им, большевикам-атеистам, Господь уготовал свой суд. Но сейчас речь не о них, а о нас, христианах, – «званые не были достойны» [Мф. 22, 8]. Господь как бы даёт нам вполне определённые знаки для понимания судов Своих, и мы обязаны эту духовную логику расшифровать. Но, увы, Церковь в узком смысле подлинный смысл выражения «по грехам нашим» так и не был понят» [3].

К сожалению, нынешнее «репринтное» переиздание социальной позиции Церкви по образцу XIX века – грозит её окончательной национально-исторической маргинализацией как неактуального общественного института. Острота ситуации, которую так часто не замечают благодушные апологеты нынешнего «церковного возрождения», состоит в том, что ныне, как и в начале XX века, социальный выбор Церкви предопределяет историческую судьбу России XXI века. Если Церковь вновь повторит свою социальную ошибку по отношению к обществу, то Россию (а с ней и Церковь) ожидает ничуть не меньшие катаклизмы, чем пришлось пережить русскому народу в прошлом веке – и эти катастрофические процессы уже начались...

Путь, которым идёт сегодня российское общество, – путь либерально-рыночных (капиталистических) социальных отношений – губителен для русской цивилизации как в экономическом, так и в духовно-нравственном отношении, об этом много писалось в патристической печати. Но этот путь следует признать губительным и для право-

славной Церкви, являющейся неотъемлемой частью российского общества. И не только потому, что демографическое вырождение русской нации прямым образом отразится на количественном составе русской Церкви, а, главным образом, потому, что путь рыночного либерализма в духовно-религиозном смысле – это широкие врата глобальной апостасии. Этот путь может быть ограничен для протестантизма, может быть приемлем для католицизма, но это путь гибели для православия. Если протестантская этика сама породила западный (капиталистический) тип общества, а католицизм всегда было способно идти в ногу с миром, принимая его таким, какой он есть, – то православие всегда отрицало этот мир, будучи путём к миру иному. Если сегодня православная Церковь вслед за общемировой тенденцией («по простоте») признает неолиберальную идеологию «золотого тельца» в качестве базальтернативной для русского общества, то вопрос о православном свидетельстве миру христианской Истины благополучно перейдёт в сугубо абстрактную плоскость; тогда православие окончательно утратит своё актуально-историческое цивилизационное значение и превратится в реликтовое национально-этнографическое образование для «факкультативного» использования. Ибо общественная реальность будет находиться в «невместимом противоречии» с учением Церкви, и верующее сознание окажется в тяжелейшем шизофреническом состоянии выбора между «юродством» истинной веры и «истинами» неолиберальной действительности. И это состояние окажется тем более тягостным, чем полнее будет официальная «симфония» между православной Церковью и западно-ориентированной российской властью. К сожалению, уже сегодня все признаки этого официально-апостасийного процесса налицо.

Финал апостасии известен: «и поклонятся ему все живущие на земле...» [Откр. 13, 8]. Как бы ни казалась мифологически отдалённой подобная перспектива, надо быть реалистами и понимать, что выбор будущего происходит уже сегодня. Водоворот мировой истории неумолимо движется к своему эсхатологическому финалу, и то, в каком качестве предстанет право-

славная Церковь перед «соблазнами антихриста», зависит от того, окажется ли она в потоке общемировой апостасии или сможет, как в своё время Лот с семейством, выйти за черту постхристианского мира. При этом надо отчётливо представлять, что последнее, в условиях глобализационных реалий современного мира, возможно для православия лишь в единстве с Россией как духовно, идеологически и политически независимой государственностью. Что подразумевает образование на базе этой государственности иной (не западно-ориентированной) христианской цивилизации. И иного пути нет!

Россия (и русское православие) находится сегодня в исключительной исторической ситуации, когда инерция прошлого (со всей исторической тяжестью и ошибками) уже исчерпана, а инерция будущего (со всей исторической неуверенностью) ещё не набрала свои обороты. Это своеобразная точка исторического покоя – идеальное место для рождения новой цивилизации... Без революций и потрясений, на краю «цивилизованного мира», в состоянии исторической беспомощности, так, как рождалось в истории и само христианство, должна проявить свои контуры новая христианская цивилизация. Все мы, патриоты России, так или иначе предчувствуем и носим эту цивилизацию в своей душе: кто в образе Святой Руси, кто в образе Светлого коммунизма, кто в виде Православного царства или идеи Пятой империи. Но всех нас объединяет общая устремлённость к иному, более совершенному миру, – и сама эта национально-соборная устремленность есть реальная предпосылка к преодолению инерции истории, к выходу на новый уровень общественного существования. «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» [Евр. 11, 1] – осталось перевести потенциал нашей веры в реальное историческое действие. По существу, именно здесь должно состояться подлинное «второе крещение Руси» как сознательный переход общества к осуществлению христианства в своей социальной практике.

Может показаться, что совершенное общество – это не самоцель: цель – преобразование человека, приближение его облика к еван-

гельскому совершенству через актуальное раскрытие его Богоподобной сущности. Но то и другое (общество и человек) абсолютно и органично слито, ибо человек по природе социальное существо, а общество – не что иное как система межчеловеческих связей. Евангельское откровение учит личному совершенству на основе деятельной любви к ближнему – по существу, призывая к совершенству межчеловеческих отношений. Это означает, что область межчеловеческих (социальных) отношений есть важнейшая, с экклезиологической точки зрения, зона христианского внимания, поэтому и вопрос о системе социальных отношений (как основном атрибуте государственности) не может быть для христианского сознания второстепенным. Насколько эти отношения совершенны, т.е. отвечают евангельским максимумам, настолько совершенно и общество, настолько шире возможности каждого члена общества по осуществлению христианской добродетели. Христианство – это не религия одиночек, ищущих лишь своего спасения, наоборот, по своему существу это религия новой общности, основанной на единодушии во Христе: «Христианство есть именно община, т.е. Церковь, – писал Г.Флоровский. – Весь строй христианской жизни общественен и корпоративен. Все христианские таинства по своей сути являются таинствами социальными... Поэтому созидать Церковь Христову значит созидать новое общество, т.е. воссоздавать человеческое общество на новой основе» [4].

«Зажёгши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме...» [Мф. 5, 15] – это выражение в полной мере относится к положению Церкви в обществе. Тенденция «келейного» замыкания на внутреннем бытии Церкви как наследие недавнего времени, когда данная стратегия была вынужденной, ныне ни в какой мере не оправдана. Свет, который светит лишь «для себя» (или «внутри себя»), – не есть свет, в этом отношении он ничем не отличается от тьмы. Природа света – изливаться наружу, исходить из себя, пронизывать и освещать всё окружающее. «Вы свет миру» [Мф. 5, 14] – и тут нет оговорок, что, мол, мир ныне слишком тёмным, не бывает слишком

тёмной тьмы, бывает лишь слабый свет... Свет Истины христианства обладает несравненно большей мощностью, нежели наше келейное христианство или благодатный мир нашей личности. Этот свет призван освещать и мир внешний, т.е. общество и человечество в целом, – именно с этой целью Он пришёл в мир. Свет христианского Откровения предназначен для мира, и, хранящийся в Церкви, он должен непрерывно проецироваться и изливаться наружу, освящая окружающий мир, каждое событие в нём: бытовое, культурное, социальное, экономическое и политическое, т.е. всю макроструктуру общества.

«Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» [Мф. 5, 16] – в этом призвание христиан в непросветлённом мире: преобразить его «видимым светом» христианского действия, с высоты знания Истины, от имени высшей духовной власти, принадлежащей Творцу мира. Ожидание, что общество само придёт к Церкви («воцерковится») – не оправдано и не реализуемо в силу различных природ общества и Церкви. У общества нет к этому объективной потребности, его природа утилитарна – текущее бытие во времени и пространстве. Природа же Церкви иная (духовная) – быть хранилищем Света, который «не от мира сего», и, лишь освещая этим светом мир, Церковь в полноте реализует свою природу. То есть Церковь помимо собственной обращённости внутрь (в таинство) должна непрерывно исходить в мир, преобразя его социальное пространство духовно-дейтельным светом истины. Если источник света в Церкви, действительно, сам Творец мира, то опасения, что силы Церкви могут при этом иссякнуть, излишни...

Таким образом, в Откровении христианства существует внешнее социальное измерение, которое в отличие от внутреннего христианства (аскетика, догматика, литургия) не получило ещё своего актуального выражения в истории. Это измерение не есть чуждое относительно Церкви социально-утилитарное пространство, но есть лишь непреобразённое благодатью Истины внешнее тело Церкви. Преобразование этого социального тела (общества) есть внутренняя зада-

ча Церкви. На этом пути открывается качественно новое понимание христианства – христианство социальное, – т.е. христианство, расширяющее зону своей сотериологической ответственности до масштабов общества.

Говоря о возможности подобного нового социального христианства, С.Булгаков писал: «...Я лично думаю, что здесь мы имеем ещё не раскрытую сторону христианства, и её раскрытие принадлежит будущему. Для христианства, конечно, недостаточно приспособиться к прошедшему в жизни независимо от него изменениям... как это было и есть до сего времени. Оно призвано вести народы, пробуждая их совесть и напрягать их волю к новым целям, которые объёмлются в их безмерности. Иными словами, мы чаем пробуждение нового пророчесственного духа в христианстве... и на его дальнейшее возгревание уповаем в послебольшевистской России. Речь идёт о большем, даже несоизмеримо большем, нежели христианский социализм в разных его видах, как он существует во многих странах. Речь идёт о новом лике христианства общественного, о новом образе церковности и творчества церковного социального, то, что ныне называется социализмом, есть только один из внешних прообразов того изобилия даров, которые содержит в себе Церковь» [5].

Здесь очень симптоматично понимание социализма как раскрытие одного из «прообразов» внутренних даров Церкви. Именно в этом направлении открываются перспективы реализации социального христианства, где новый (неизмеримо больший) христианский социализм может быть понято как социальная актуализация Церкви в мире. В этом социально-христианском направлении находятся одновременно и возрождение России, и возрождение Церкви: Россия подходит здесь непосредственно к осуществлению социального идеала Русской идеи, а православная Церковь обретает «второе дыхание» на уровне нового исторического горизонта, возвращаясь к предельно активной теократической роли в обществе XXI века. Для осознания масштаба и значения перехода Церкви на новый уровень отношений с обществом можно вспомнить одну из заключительных евангельских

сцен – последнее явление ученикам («не поймавших в ту ночь ничего...») воскресшего Христа при море Тивериадском. Когда стоявший на берегу и не узнавший сначала Христос сказал ученикам: «...закните сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы» [Ин. 21, 6].

Таким представляется нынешний выбор Церкви в духе евангельской перспективы – её миссия в мире ещё не исчерпана: В более конкретном, практическом плане это означает решительный поворот Церкви к социальной и общественно-политической проблематике. Отвлечённая моральная проповедь христианской добродетели вне связи с конкретно-историческим социальным контекстом, наоборот, обрекает православие на общественное отчуждение и исторический упадок. Как пишет Ю.Булчичёв, «только позитивное восприятие православием нужд мира сего, задач строительства одухотворённой культуры и человеческой цивилизации, лишь установка на совершенствование не одной личной души, но и общественных отношений способны вдохнуть новые силы в восточное христианство, вновь превратить его из зерна, спящего в земле, в силу духовно-историческую» [6].

Нынешний исторический рубеж требует предельно активной общественно-социальной позиции Церкви, если она действительно претендует на статус духовной власти и осознаёт свою историческую ответственность за судьбу России. И одним из первых актов такой позиции должна стать духовная мобилизация нации на выход из исторической смуты. Точнее даже сказать, только таким путём и может Церковь вернуться в общество в качестве главного идеологического авторитета: если реально, т.е. общественно-политически, сплотит общество к прорыву из тисков исторической безсозидности. Речь при этом не идёт о создании очередной православной партии «За Русь Святую», а о соборно-политической консолидации общества вокруг осознанной идеологии национального возрождения и политического лидера, способного стать олицетворением этой идеологии. Идеология, как говорилось выше, есть актуально-историческое выражение национального самосознания, и

кому как не Церкви отстаивать её фундаментальные приоритеты?!

Необходимо сместить традиционные акценты: не «респектабельный православный патриотизм», а «маккавейское подвижничество» является сегодня адекватным исповедничеством истинной веры, ибо море апостасийного мира, слившись с антинациональной властью, грозит окончательно извратить духовные святости русской цивилизации, обрекая тем самым русский народ и русскую Церковь на историческое вырождение. Это подразумевает всеобщую мобилизацию православно-патриотического духа на защиту принципиальных ценностей национально-исторического мирозерцания, попранных ныне идеологией рыночного тоталитаризма. По словам А. Панарина, «узурпаторы пуще всего боятся Церкви, способной снова выгнать меня из храма. Поэтому истинное противоборство нашего века олицетворяется столкновением не демократии и тоталитаризма, а экономического тоталитаризма и духовно-религиозного фундаментализма. Только ортодоксально фундаменталистская, духовно упрямая церковь сегодня способна находиться рядом со страждущими, обиженными и угнетёнными; церковь реформированная, адаптированная к современности, обречена оказаться по сю сторону со своими спонсорами – жирующей средой «новых богатых», мечтающих дополнить «рынок политических товаров» рынком индугенций» [7].

Можно, конечно, и дальше делать вид, что в обществе между Церковью и властью сегодня осуществлена политически оптимальная «симфония» – на дипломатической дистанции, когда «церковь отделена от государства, а государство – от церкви» и всё, как говорится, при своих... Но это лукавство, уместное для светской власти, вред ли к лицу власти духовной. Церковь, которая не несёт реальных теократических функций в обществе, приобретает откровенно бутафорский оттенок, служа ещё одним благообразным прикрытием властного беззакония. Ложью утверждается власть зла в мире, и Церковь в первую очередь должна стать оплотом Правды! Пастырский, духовно-организующий голос Церкви должен чётко и недвусмысленно прозвучать в идеологически рассеянном

и дезориентированном русском обществе, назвать вещи своими именами и заложить тем самым первичный духовно-идеологический фундамент национального возрождения. «Раньше Церковь напу называли Церковью молчания, – пишет прот. А. Шаргунов, – потому что так насильно был замкнут рот. Неужели она может быть и теперь этой Церковью молчания! Если бы с самого начала так называемой перестройки Церковь возвысила бы свой голос против этого страшного сатанинского растления, которое совершается в нашем Отечестве, не молчала, то, конечно, много сейчас было бы иным. Тогда авторитет Церкви был самым высоким, по всем опросам социологов. Люди за годы безбожного коммунизма изголодались по слову высшей правды, тогда растление ещё ужасало, шокировало нормальное сознание, ещё не привыкли к нему так, как сейчас. То, что упущено, уже не вернуть. И сейчас, если мы будем продолжать хранить это молчание, которое может обществом восприниматься как знак согласия с беззаконием, плохо, конечно, будет и нам, и всем, кто ждёт от Церкви спасения» [8].

Невозможно «симфония» между правдой и ложью! Свидетельство истины требует мужества обличения зла этого мира во всех его проявлениях – иначе истина принимает оттенок лжи. Это подразумевает выход Церкви на общесоциальный и политический уровень в качестве фундаментального «голоса правды», способного стать центральным ориентиром национально-исторического возрождения. Заключить размышления об обществе и Церкви можно ещё одной цитатой А. Панарина, где всем двусмысленностям нашего лукавого постмодернистского времени, стремящегося смешать истину и ложь в угоду новым «господам мира сего», он противопоставляет спасительную подлинность духовно-нравственного фундаментализма Церкви: «Многое, слишком многое свидетельствует о том, что наш век – какуный. И противоборство начал добра и зла в нём, в самом деле, обострилось предельно. И на фоне такого обострения духовная власть, внимающая испуганным мольбам и стенающим загоняемым в гетто народов, не может быть светски отстранённой и скептически осту-

жённой. Сегодня она может быть только фундаменталистской. Только фундаменталистски выстроенное духовное пространство способно стать надёжным ориентиром для заблудших и надёжным убежищем для гонимых. Любое другое окажется легко оккупируемым теми, кто и без того благополучно устроился на этой земле и для кого храм – разновидность духовного развлечения, а не место, где решаются последние вопросы. Именно те, кто мечтал демонтировать духовную власть как источник «нетолерантных» типов сознания, в конечном счёте, провоцируют её появление в невиданно непреклонной форме – в форме нового фундаментализма. Церковь господская может быть скептической и толерантно-всезядной. Церковь гонимых должна обладать способностью решительно отделять зёрна от плевел, добро от зла, ибо гонимым не до стилизаций – они живут трагически подлинной жизнью, не содержащей постмодернистских «пустот» и двусмысленностей. Эта грозная Церковь уже тайно входит в мир к вичшему беспокойству временщиков, думающих оттянуть время, но на самом деле ускоряющих его» [9].

Александр МОЛОТКОВ

http://chri-soc.narod.ru/molot_missia_rossii_main.html

Примечания:

1. Соловьёв В.С. Об упадке средневекового мирозерцания. // Соч. в 2 т. – М., 1990. Т.2. С.343.
2. Карелин Ф.В. Царство святых. – (<http://chri-soc.narod.ru/>).
3. Сомин Н.В. По грехам нашим. – (<http://chri-soc.narod.ru/>).
4. Флоровский Г. Социальная проблема в Восточной Православной Церкви. // Христианство и цивилизация. – СПб., 2005. С.596.
5. Булгаков С.Н. Православие. – Киев, 1991. С.209-213.
6. Бульгачёв Ю.Ю. Православие, Россия и современная цивилизация. // Русское самосознание. – 2005. N 11. С.107.
7. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М., 2003. С.473.
8. Шаргунов А. Последнее оружие. – М., 2004. С.84.
9. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М., 2003. С.475.

Русская община как национальная идея

Общинность является духовной основой, которая направляет строительство русского общества, формирует справедливые отношения между людьми. Это общепризнано. Поразителен при этом тот факт, что массы нашего народа, даже большинство его наиболее просвещённой части, не понимают сущности механизма формирования человеческих отношений в общине. Многие интересные могут рассказать из истории возникновения общинного самоуправления, о распределении обязанностей и традициях. Иными словами, внешняя форма проявления этого в прошлом хорошо известна. Но социально-исторические условия жизни общества, уровень его развития решительно меняются, требуют новых форм реализации своего устройства. А внутреннее содержание общинности, её функциональная суть, сам механизм формирования справедливых отношений остаются для абсолютного большинства людей непостижимой тайной.

Именно социальный механизм формирования человеческих отношений, а не его внешние проявления в прошлом, необходим для того, чтобы в новых условиях воспроизвести нашу главную духовную ценность – справедливость, братскую любовь и уважение между людьми. Вместо этого самые искренние патриоты Отечества предлагают нам в отдельных вопросах копировать старинные традиции, форму осуществления отношений, а не их содержание. При этом другие, навязанные нам извне отношения, с неприемлемой для нас духовной основой, остаются неприкосновенны. Очевидно, что никакой единой и непротиворечивой системы устройства общества тут появиться не может. Можно сколько угодно сокрушаться о разрушении отечественной государственности, но лучше от этого не станет. Государство не будет возрождаться без Русской Идеи, без освещённого верой и жизненным подвигом многих поколений русского духа.

Идею общинности составляет равноправное объединение людей в коллектив для коллективной созидательной деятельности в обеспечение собственного выживания. При этом основные ресурсы и средства для этой деятельности находятся в управлении коллективом. Результаты деятельности распределяются по установленным коллектив-

вом нормам справедливости, самими созидателями всех благ и ценностей. Короче говоря, принцип прост: "Созидатели распределяют созданное, а созидательный процесс всегда коллективный".

Подчеркнём, что распределение вознаграждения участникам деятельности производится не по денежной стоимости произведённого каждым или прямо измеренному в денежном эквиваленте количеству труда (нормо-часам, коэффициентам тяжести, вредности, квалификации). Оно производится по нормам социальной справедливости, с учётом интересов выживания и развития всего коллектива, с учётом интересов стариков и детей, людей с ограниченной трудоспособностью, людей с различными заслугами перед коллективом в обеспечении его безопасности, духовного развития, а не только материального процветания. При этом одна и та же деятельность, один и тот же труд, могут иметь разную оценку, поскольку она производится по конечному результату, исходя из коллективных интересов и достигнутых возможностей вознаграждения членов коллектива. Сила общины не в достигнутом общем уровне благосостояния. Она – в братской любви и взаимопомощи, торжестве справедливости, которые делают людей счастливыми в любых обстоятельствах, помогают им становиться лучше, духовно чище, развиваться как личности и преодолевать все преграды. В скромной избушке человек, окружённый любовью и дружбой, будет всегда счастлив. В палатах царских, если вместо братской любви вокруг царит злоба, корысть, коварство, жизнь не мила.

Отметим также, что и путь к благосостоянию через общину – самый короткий. Производительность труда в общине всегда выше, чем в коллективе наёмных работников. Это происходит потому, что работа

на общий конечный результат, плоды которого будут справедливо распределены, создаёт мощный стимул для добросовестного труда и творческого подхода в вопросах его рационализации и совершенствования. Кроме того, здесь снижаются значительные расходы на содержание контролирующих структур, поскольку заинтересованность в общем результате обеспечивает самоконтроль. Контролировать надо только одно: не завелись ли в коллективе бездельники, нарушители дисциплины, нечестные люди и разгильдяи. Но это больше относится к решению воспитательных задач, а не управленческих.

Общинность выростала из родоплеменных отношений. Суровые условия существования не оставляли иной возможности выживать, кроме абсолютного коллективизма. С течением времени, в феодальный период, эта система отношений была закреплена крепостным правом. Надо ясно понимать, что исходно это была человеческая и соответствовавшая принципам веры система отношений. Она предусматривала общественную оценку руководителей, их выборность. Только выборы осуществлялись не "голосованием руками", а "голосованием ногами". Раз в год, после завершения основного сельскохозяйственного цикла производства, на Юрьев день (26 ноября по старому стилю), крестьяне могли переходить от одного помещика к другому. Помещики, по сути дела, были теми управляющими, которых себе выбирали крестьяне. По-видимому, что несправедливый или неумелый руководитель, бесчеловечно относящийся к своим крестьянам, оставался без работников и терял своё положение.

Такая система была весьма рациональна во времена своего возникновения. Средняя продолжительность жизни тогда колебалась около уровня в 30 лет. Практически каждому было с детства определено место в жизни, его к этому готовили, обычно передавая навыки от родителей к детям. И в сравнительно короткий срок своей активной трудовой или военной деятельности человек эти навыки реализовывал. "Делать карьеру", перечувствовать, было некогда. Осваивать навыки общинного управления, когда письменность и арифметика была доступна немногим, могли, в первую очередь, те, кто с детства на-

блюдл родительский опыт, воспитывался ими для этой цели.

Общинная система организации жизни общества полностью соответствовала православным идеалам братства, любви и взаимопомощи. Она представляла собой добровольное объединение людей в коллектив, где различия в положении людей, их роли и места в жизни определялись только их профессиональной специализацией, квалификацией, в том числе, передаваемой по наследству, охраняемой коллективными усилиями рода, семьи. У них была необходимость добровольно взаимодействовать, дополнять друг друга своим трудом и знаниями. Временная отмена права выбирать себе коллектив, переходить из общины в общину на Юрьев день, осуществлялась верховной властью только в особых условиях: в голодный, неурожайный год, в военное время, при иных явлениях с катастрофическими последствиями. Это была обоснованная мера, необходимая для предотвращения массовых метаний крестьян под тяжестью особых испытаний, которые могли бы дезорганизовать жизнь общества в целом. Существовали и некоторые другие ограничения.

Впервые много лет подряд отмечая переходы в Юрьев день произошла во времена правления Бориса Годунова и далее, в Смутное время. С воцарением после этого династии Романовых право перехода крестьян было отменено навсегда. Во многом это было связано и с влиянием Европы, где в это время происходило сильнейшее ужесточение крепостничества. Это было обеспечено, прежде всего, идеологией католичества, насаждавшей абсолютное господство и исключительность прав, социальное неравенство, богоизбранность административной элиты общества.

Отмена права перехода крестьян принципиально изменила систему общественных отношений. Крестьяне из равноправных участников коллектива превратились, фактически, в рабов. Теперь помещику не требовалось заботиться о своей популярности у крестьян. Они могли ими помыкать почти неограниченно. Какие уж тут братские отношения по вере! И сами крестьяне потеряли главный стимул к труду, поскольку коллективизм и справедливость в распределении всего созданного остались в прошлом.

Радикально изменилась ситуация в обществе. До этого рубежа история, помимо существовавших всегда ситуаций отражения внешних агрессивных, предоставляла нам при-

меры княжеских междоусобиц в борьбе за власть, то есть межобщинные конфликты. Теперь была деформирована сама общинность. Появились крестьянские бунты, большие и малые социальные столкновения, беглые крестьяне от безысходности нередко превращавшиеся в разбойников. Появились и развращённые безраздельным господством крепостники, которым уже незачем было воспитывать из себя добрых и мудрых руководителей народной жизни. Многие из них вызвали отвращение не только у своих крепостных, но даже в своей корпоративной среде, в думашней части общества, что также снижало эффективность общественного управления, государственную стабильность. Устройство общества, его правовая основа пришли в противоречие с верой, важнейшими духовными ценностями народа. Конечно, эта ситуация несколько сглаживалась тем, что внутри общины, между крестьянами сохранялись отработанные многими поколениями традиции взаимоотношений. Также и своеобразно крепостников несколько сглаживалось воспитательным воздействием православия. Тем не менее, единство народа и могущество русской государственности были существенно ослаблены. А переход от свободного коллективного труда к заинтересованности в конечном результате к подневольному рабскому труду снизил темпы развития общества. Это приводило к тяжёлым потерям в конкурентной борьбе на геополитическом уровне. За ослабление могущества приходилось платить кровью.

Противоречие между православной духовностью, общинностью и правовой практикой существования общества постоянно раскачивало устои государственности. В XIX веке стало ясно, что это грозит настоящей катастрофой, крушением державы. Однако радикальные реформы не пошли по традиционному русскому пути. Решения были навязаны опытом "просвещённых стран" Запада. Главная беда состояла в том, что это был опыт народов с иной верой, с иными традициями социальных отношений.

В XIX веке вполне можно было восстановить право перехода крестьян в Юрьев день. Это быстро развернуло бы национальную элиту лицом к народу, способствовало её самоочищению и укреплению единства. Необходимо было возрождать в социальном смысле и крестьянство. Крестьяне, много поколений прожившие практически в рабстве, утратили навыки кол-

лективного самоуправления в важнейших вопросах организации собственной жизни. Всё это бесконтрольно отдавалось на волю крепостников. Одновременно с этим необходимо было постепенно повысить образовательный уровень крестьянства и на этой основе осуществить промышленную революцию. Причём сделать это на общинной основе, с использованием коллективной и государственной собственности, а также артельного опыта. Собственно говоря, русская артель и является приложением общинного опыта к организации ремесленных производственных коллективов.

Вместо этого было решительно отменено крепостное право. Это оказалось жизненной трагедией для большого количества крестьян, не приспособленных к новой жизни. Многие из них оказались не на свободе, а в долговой кабале, лишёнными самого необходимого для полноценной крестьянской деятельности. Но самое страшное состояло в другом. Земля и другие основные средства производства всё больше вовлекались в оборот капитала. Начал бурно развиваться капитализм. А это и есть власть денег, фарисейский инструмент власти золотого тельца. И неверные нормы социальных отношений стали проникать в повседневную жизнь народа. Они вступали в противоречие с православными духовными основаниями, приводили к идеологическим метаниям и размежеванию народа, к обострению социальной борьбы во всех её проявлениях. Стали возникать инструменты политической борьбы капитала – политические партии.

Капитал всегда космополитичен. Развитие капитализма резко усилило внешнее, западное влияние на русское общество, на его взгляды и жизненную практику. Разрушительные процессы затронули и главный духовный оплот державы. Разложение и деградация значительной части духовенства были естественной реакцией на то, что нормы веры не соответствовали установленному государственным законам образу жизни. Проводить против норм жизни, установленных государством, духовенство не могло, а вполне соглашались с ними, с закономерным проявлением их последствий в жизни можно только поступившись совестью.

Крестьянство, несмотря ни на что, держалось за спасавшую их во все времена общину. Оно составляло тогда основную массу населения России. Это мешало развитию капитализма. В стремлении устано-

вить в России равноценные с Западом условия для деятельности капитала, премьер-министр П.А. Столыпин провёл реформы, которые фактически добивали крестьянскую общину. А это – фундамент русской государственности. Людей преднамеренно выталкивали из общины в "свободное капиталистическое плавание", для развития капиталистических отношений. Но подавляющее большинство людей не хотело лишать себя общинных духовных ценностей – доброты отношений, взаимопомощи, уверенности в завтрашнем дне. Они не хотели переводить свои чистые коллективистские отношения с соотечественниками на денежную, расчётливую, индивидуалистическую основу. Народ не хотел менять православную духовность на иноверную, фарисейскую. Правительство попыталось насильно вытолкнуть народ в новые отношения, но не учло "весовые категории". В результате оно само оттолкнулось от народа, вытолкнуло себя из жизни. Государственность ослабла. Внешние силы желали использовать это в своих интересах. Революция стала практически неизбежна. Мировые силы, ядро власти золотого тельца, эффективно проникали во внутренние дела России в силу сформировавшейся капиталистической системы, которая всегда транснациональна, эту революцию всесторонне обеспечили и организовали.

Русское самодержавие было свергнуто силами мирового капитала в феврале 1917 года. Однако скоро стало ясно, что ставленники творцов революции во Временном правительстве, пытавшиеся сформировать буржуазную республику, с этой задачей справиться не смогут. Политический расчёт в разыгранном сценарии состоял в том, что фарисейские нормы взаимоотношений в такой политической системе были духовно противны русскому характеру. Люди никогда не жили в таких условиях, не понимали, как к этому можно приспособиться. Поэтому вовсе не хорошо организованное сопротивление, а тотальное неприятие населением деятельности Временного правительства привело к его падению.

Точнее было бы сказать не "к падению", а "к срочной замене по воле его же собственников хозяев", ввиду очевидной перспективости окончательного провала сценария действий. Окончательный провал сценария мирового капитала мог означать для него стратегическое, даже историческое поражение, в России и на мировой арене. Мог случиться реванш. Народ страдал

от тотальной дезорганизации жизни. А восстановить порядок в огромной стране легче тот, который все знают и помнят. Тут не надо долго объяснять миллионам людей, что им делать. Царствующий дом, объединившись с крупнейшими представителями аристократии, поддержанный наиболее сильными патриотическими силами в государственном аппарате и в стране в целом, вероятнее всего, возвёл бы на престол наиболее решительного и твёрдого из своих представителей, взамен отрешённого императора. Тем более что вопрос о замене императора на более решительного представителя рода обсуждался царской родиёй уже давно.

Затем неизбежно наспулила бы мощная политическая реакция. Задним числом всегда лучше видны причины поражений, роль и реальный вклад деятельности отдельных лиц и политических сил в это. Можно не сомневаться, что произошло бы решительное и тотальное очищение всего общества, сверху донизу, во всех его составных частях. Оно коснулось бы всех, начиная с представителей царствующего дома, духовенства, генералитета, чиновничества, лидеров интеллигенции. Западничество, лежавшее в основе народной трагедии было бы предано анафеме. Международные силы теряли всякую опору внутри России, а её могущество увеличивалось настолько, что на международной арене она превратилась бы в абсолютно доминирующего лидера. Британские и американские геополитики хорошо осознавали эту угрозу для их интересов, писали об этом, в соответствии с этим развязывали Первую мировую войну.

Мировой капитал не мог допустить реванша. Нужно было, чтобы к власти пришла совершенно новая сила, способная удержаться у власти и строящая качественно новую систему власти. Только в этом случае можно было не допустить возрождение прежних государственных структур, которые хорошо знают и помнят, кому обязаны своим поражением.

Октябрьская революция 1917 года была, скорее, не фактом реальной борьбы, а пропагандистской инсценировкой переворота. Большевики не имели совокупного политического потенциала (массовость, деньги, управленческие кадры и т.д.) для того, чтобы претендовать на взятие и дальнейшее удержание власти в России. Необходимые ресурсы и кадры были им срочного направлены из-за рубежа, а власть отдана без борьбы, без су-

щественного сопротивления и кровопролитий. Координатором налаженной системы обеспечения был американский банкир Яков Шиф. Руководителем исполнения политического сценария мировых сил в России был назначен Лев Троцкий.

Мировые силы сделали ставку на большевиков, учтя ошибку с Временным правительством. Их идеи строительства нового общества были очень похожи на традиционные русские представления об этом, только перефразированные в ключе атеизма. Это было не случайно. Большевики исходно вели свою работу среди беднейших и наименее образованных слоёв населения. В таких условиях доказать реалистичность своих социальных предложений на основе сложных теоретических изысканий практически невозможно. Здесь годится только путь аналогий с тем, что люди уже знают из социального опыта, и понимая его жизнеспособность. А использование аналогий, ссылок на позитивные в глазах простых людей примеры, неизбежно заставляло большевиков учиться опыт общины. Поэтому большевики представляли, с одной стороны, полностью новую политическую силу во власти. С другой стороны, они опирались на те идейные корни в сознании масс народа, которые давали им возможность стать понятными, а значит, удержаться у власти.

Возможность идейного сближения с народом имела свой фундамент в опоре на общинность. Предложенная идея во многом воспроизводила исторические традиции русского общества, где наиболее массово представлены православные и мусульмане. Коммуна у коммунистов, община у православных, умма у мусульман – практически одна и та же идея коллективизма, названная на разных языках. Поэтому у неё были перспективы стать понятой народом. Ещё один немаловажный для мировых сил момент состоял в том, что партия большевиков была сравнительно малочисленной (в январе 1917 – 30 тысяч человек, в начале осени, с учётом прибывших иностранных сил и проведённой ими мобилизации сочувствующих, – около 200 тысяч). Поэтому несколько сот эмиссаров мировых сил под руководством Троцкого могли обеспечить достаточный контроль деятельности аппарата партии и её руководства.

В стратегическом замысле мировых сил, обеспечивших победу большевиков, были и другие важные моменты, которые мы детально не анализируем. Нам важно по-

нять, почему фарисейские силы допустили приход к власти сил, идеологически более близких к народу, чем к ним. На средства мирового капитала, при его всестороннем содействии, пришли к власти силы, идейно борющиеся с властью капитала. Те, которые шли под лозунгом: «Смерть капиталу!». Финансовой элите нужно было, чтобы за 10-15 лет был утрачен опыт государственного управления Российской Империи, нарушено воспроизводство его носителей во власти, что делает невозможным рывок. За это время, используя контроль Троцким и его командой государственной политики, предпологалось завести Россию в гибельный для неё сценарий мировой революции, уничтожить и рассеять в её процессе основную массу самого непокорного в мире народа. Это тот путь, который позволял мировому капиталу взять под свой контроль самую богатую природными ресурсами страну мира.

Однако и здесь пошло дело не вполне по сценарию. Миссия Троцкого окончилась провалом и изгнанием из страны. Вягивание России в «мясорубку» мировой революции было сорвано, в первую очередь, Лениным за счёт подписания Брестского мира. А большевики, после «зигзагов», свойственных начальному этапу становления, начали осуществлять православную общинность «без Бога».

Место 10 заповедей Закона Божьего занял сходящий по смыслу «Моральный кодекс строителя коммунизма».

Основой строительства партийных и государственных структур стал территориально-производственный принцип. Иными словами, первичной ячейкой, делегирующей своих представителей во все органы управления, стали трудовые и воинские коллективы. А внутри этих коллективов было обеспечено реальное участие их рядовых членов в обсуждении и решении важнейших вопросов коллективной деятельности. Это – чисто общинный, коллективистский принцип. Особо отметим этот факт. Коллективизм общины состоит в том, что вся основная деятельность происходит под коллективным контролем. Ситуация в производственной или служебной деятельности является предметом заботы всего коллектива.

В этом состоит принципиальное отличие труда членов общины от труда наёмных работников, работающих по персональным контрактам. Последние приходят на работу, получают задания от руководи-

телей, выполняют их, за что им начисляется оговорённая контрактом зарплата. Как при этом работают остальные члены организации, справедливо ли распределяется вознаграждение, работника не касается, он может даже об этом не знать. В общине деловые и нравственные качества каждого видны как на ладони. Также любые представители во властные структуры хорошо известны трудовым и воинским коллективам по тем же качествам. Здесь могут быть выдвинуты только достойные, по крайней мере, не запятнавшие себя чем-то люди. В отличие от этого, фарисейская демократия формирует власть золотого тельца. В неё могут попасть только представители капитала, открытые или скрытые. Территориальный принцип избрания, отнесения какой-то территории, позволяет методами дорогостоящей рекламы, использованием специальных политических технологий провести во власть кого угодно, поскольку в деловых ситуациях люди здесь не сосуществуют сколько-нибудь длительное время, не раскрываются как личности.

Советы, как органы управления, были придуманы не большевиками, а взяты из практики народной самоорганизации.

Место духовенства заняли мощные идеологические и пропагандистские структуры. Вместо крестных ходов с иконами и хоругвями люди стали ходить на демонстрации с портретами классиков и вождей, транспарантами. Можно привести множество других аналогий.

Иными словами, использование норм общинности при формировании Советской власти было важнейшей составной частью закрепления её на долгое время в России, а также способствовало возрождению разгромленной государственности и укреплению могущества державы. Причём процесс пошёл так эффективно, что сорвал планы Запада в отношении разгрома России ещё в первой половине XX века.

Ситуация начала меняться только после прихода к власти Хрущёва. Он пришёл в партию как троцкист, а в момент выдворения Троцкого из СССР в 1929 году он публично отрекался от Троцкого и его учения. Однако после прихода к власти он стал осуществлять установки этого вождя фарисейских сил, которые были написаны им уже в эмиграции, в Мексике. Это тут же сказалось на стабильности государства. Темпы роста экономики резко упали. Начали появляться хорошо известные нам язвы общества – приписки, стяжательство, мздоим-

ство, лицемерие – всё, что жестоко истреблялось десятилетиями до этого. Начался запланированный ещё в середине 40-х годов Аленом Даллесом, руководителем ЦРУ, процесс разложения нашего общества. Однако Хрущёв слишком быстро повёл процесс разрушения государственности. Стойкие и решительные деятели советского государства, проявившие себя и поднявшиеся на узловые точки управления обществом в суровых условиях войны, борьбы с послевоенной разрухой и голодом, начали это осознавать. Созрела угроза решительного удара по антигосударственным силам. Поэтому Хрущёв был отстранён от должности, процесс «приторгозили», дали возможность сменить поколению руководства на тех, кто вырос в период «застоя». Финал нам известен.

* * *

Русская государственность и общинность – отражения одного и того же, нашей духовности. Взлёты и падения державы, главные недостатки жизни народа во все времена были прямо связаны с качеством реализации общинности в жизни общества.

Сейчас общин в России нет. Вернее, этим словом называют совсем другие вещи. Например, есть территориальные общины. Но это – объединение вокруг потребления услуг жилищно-коммунального хозяйства, а не созидания. Объединение прихожан тоже называют православными общинами. Хорошее дело, но только не то, о котором мы говорим. Это – объединение в свободное от работы и служебной деятельности время. Настоящая общинность, формирующая людей и общество в целом, возникает в трудовых и боевых буднях, когда потом и кровью добывается хлеб насущный и право на безопасную жизнь.

Сейчас нет не только общин, но и самой возможности их создавать, не считая микроскопических социальных экспериментов. Фарисейская идеология, власть золотого тельца с этим не совместима. Пока эта ситуация не изменится, оснований для благостных ожиданий счастливого будущего у нас не может быть. В возрождении духа общинности, коллективизма, братской любви, товарищества состоит Русская Идея, которая во все века была главной основой существования Отечества, без которой ему не бывать.

Константин СОКОЛОВ,
вице-президент Академии геополитических проблем, координатор Движения «Народный Собор»
narodsobor.ru

24 марта – День скорби братского сербского народа

В этот день десять лет назад американские агрессоры начали массированную бомбардировку территории Сербского государства. Вопреки всем международным законам и без санкции ООН, страны НАТО во главе с США фактически развязали войну против суверенного государства. Сербия принуждала вывести войска из Косово и отдать эту территорию албанцам.

За 78 дней бомбардировок Югославии было осуществлено более 35.000 авиавылетов; авиация НАТО нанесла удары по 995 объектам; было убито около 1.000 военных и 2.500 мирных граждан, из них 89 детей, в том числе **Милица Ракич** – 3-летняя девочка, ставшая символом страданий сербского народа от агрессии НАТО.

Исход беженцев из Косова превысил 1,5 млн. человек. Всего на Югославию было сброшено около 25.000 (по некоторым данным, 79.000) тонн взрывчатых веществ. Авиация НАТО применяла кассетные бомбы (сброшено более 2.000 единиц, «развезших» над территорией страны более 300.000 малагабаритных мин; по разным оценкам, осталось до 30.000 неразорвавшихся мин – начинок кассетных бомб), а также ракеты и снаряды со слабо обогащённым ураном.

Главнокомандующий силами НАТО в Европе У. Кларк признал, что на Югославию сбросили 31.000 бомб со слабообогащённым ураном, общее количество последнего только в косовских недрах составляет свыше 10 тонн. Разруше-

ние нефтеперерабатывающих и химических предприятий превратило регион в зону экологического бедствия; была разрушена вся инфраструктура страны – железные дороги, станции, мосты, аэродромы и т.д.; уничтожена примерно половина военной промышленности; уничтожены объекты образования, здравоохранения, памятники истории и культуры; общий ущерб составил 200 млрд. долларов.

И это далеко не полный список жертв, разрушений и преступлений, совершённых НАТО против сербов.

Это была акция устраниения православного народа, непокорного диктату «мирового сообщества» и не желавшего отдавать Косово, свою исконную землю, албанским оккупантам.

Разбомблённая Сербия

10 лет со дня трагедии

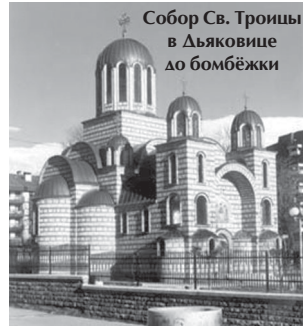
Сербская Православная Церковь готовит материалы для канонизации трёхлетней Милицы РАКИЧ, погибшей во время натовской операции в Югославии.

мучеников и мучениц появилась фреска с изображением маленькой Милицы.

На фреске надпись: "Св. н. муч. от НАТО. Милица дете." ("Святая новомученица, убитая НАТО. Дитя Милица"). Фреску написал дьякон Никола Лубардич из Белграда. А епископ Захолмско-Герцеговинский и Приморский Григорий вместе с владыкой Афанасием (Евтичем) из монастыря Тврдош выступили с инициативой канонизации маленькой девочки, чтобы причислить её к лику святых в качестве новомученицы.

Милица – невинная жертва, символ страданий, которые пришлось вынести сербам в последнюю весну уходящего тысячелетия.

Собор Св. Троицы в Дьяковце до бомбёжки

Собор после бомбёжки

Сербские газеты писали тогда, что натовские бомбардировщики убили ангела. Трёхлетняя **Милица Ракич** стала первой жертвой военной операции "Милосердный ангел" в Батайнице – небольшом городке под Белградом. И вот, спустя почти шесть лет, в монастыре Тврдош в восточной Герцеговине рядом с образами других сербских

17 марта по случаю 10-летия бомбардировок в Сербии прошли заупокойные богослужения. Колокола зазвонили в 18:45 (в эту минуту 24 марта 1999 года упала первая бомба).

Святыня в Калужке

Ждамирово – конечная автобуса, утро, тишина. По сонным дворам важно бродят петухи и куры. Ты оказываешься посреди весеннего бездорожья вместе с псом, который охраняет это далёкое от городской суеты местечко. И среди всего этого чувствуется особая атмосфера тишины и покоя, в которую обычно попадает человек, оказавшись на территории монастыря. Почему вдруг? Может, потому что, свернув с трассы, ты сразу видишь колокольню храма?..

Село Калужка – одно из самых древних поселений города Калуги. Здесь находилось славянское городище – предположительно, первоначальное местоположение Калуги. Археологические находки, обнаруженные здесь, датируются XII-XV веками. С XIII века Калужка стала местом, куда стекалось большое количество богомольцев, приходивших поклониться чудотворной иконе Калужской Божией Матери, обретенной в 1748 году в деревне Тиньково. Все мы знаем эту историю.

Явление Калужской иконы Божией Матери произошло в доме помещика Василия Кондратьевича Хитрово. Две служанки Хитрово перебирали на чердаке его дома старые вещи. Одна из них, Евдокия, отличавшаяся несдержанным нравом, позволила себе резкие и даже непристойные речи. Подруга стала увещать её и во время пререканий среди вещей случайно обнаружилась большой свёрток сурового

холста. Развернув его, девушка увидела изображение женщины в тёмном одеянии с книгой в руках. Приняв изображение за портрет монахини и желая образумить Евдокию, она пригрозила ей гневом игуменьи. Евдокия ответила на слова подруги бранью и, подавшись раздражению, плонула на лик. Тот час же с ней случился припадок, и она упала без чувств. Испуганная подруга рассказала о случившемся в доме. В следующую ночь родителям Евдокии явилась Царица Небесная и открыла им, что это над Ней кощунственно смеялась их дочь, и повелела им совершить молебен перед поруганной иконой, а больную окропить освящённой на молебне водой.

После молебна Евдокия выздоровела, и Хитрово взял чудотворную икону в свой дом, где от неё обильно источались исцеления прибегающим к ней с верой. Впоследствии икону перенесли в приходский храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Калужке. В Калугу был отправлен список с неё.

Первый деревянный храм в Калужке находился «на старом городище» около 1600 – 1630 годов. Новый каменный храм был возведён неподалёку в 1760 году помещиком Хитрово в стиле раннего русского классицизма. Первоначально был один престол – в честь Рождества Богородицы. В 1798 году была построена колокольня, а позднее, в

1874 году, пристроена трапезная с двумя приделами, увенчанными главками. Северный придел был освящён в честь святителя Николая Чудотворца, а южный – в честь Святых апостолов Петра и Павла. В 1938 году храм был закрыт, иконы и богослужебная утварь изъяты, купола снесены, позднее была взорвана и колокольня. Каменная ограда с решётками также не сохранилась.

В 2006 году по благословению Высокопреосвященнейшего Климента, митрополита Калужского и Боровского, при храме была открыта монашеская община. Когда сейчас подходишь к храму, трудно представить, что ещё совсем недавно здесь не было колокольни, не стояла каменная ограда...

Рассказывает матушка Параскева:
 – Очень много всего нужно сделать, чтобы устроить монастырь. Надо восстановить храм, надо оформить землю. Работы предстоит много. Но самое главное для нас с сёстрами, конечно, было восстановление храма. Когда мы приехали, колокольни не было, надстройка-восьмерик тоже не сохранилась. Колокольня уже почти готова. На средства благодетелей были приобретены колокола. Теперь колокольня действующая.

Сейчас, слава Богу, привезли купол. Его должны установить буквально на днях.

Здесь раньше ведь не было монастыря. Когда восстанавливают старые монастыри, то там обычно что-то сохраняется. Пусть в разрушенном или заброшенном виде, но есть что восстанавливать. Сохраняются корпуса. В нашем же случае многое нужно будет строить с нуля. Слава Богу, что этому храму до революции принадлежали два дома: церковно-приходская школа и дом священника. Мы теперь можем их использовать. Сейчас мы строим ограду, потому что раньше её не было.

– Сколько сестёр сейчас в вашем подворье?

– Нас семеро.

– Как проходят ваши дни?

– Само собой, ты ведёшь обычную монашескую жизнь. Живёшь, как в любом монастыре. Мы стараемся продолжать держать устав. Жить так, как жили в монастыре в Малоярославце. Священник у нас каждый день не служит, но мы вычитываем каждый день. День начинается с утренней молитвы, по-

луношницы, затем монашеское правило. Потом, конечно же, послушания. В основном они нацелены на то, чтобы благоустроить это место и обеспечить работу храма.

Нужны просфоры, в храме необходимо поддерживать чистоту. Также проводится уборка территории. Может, у нас появится хозяйство, тогда будем трудиться и там. В четыре часа у нас трапеза, а в пять снова начинается служба и длится где-то до половины девятого. Затем снова послушания, кто что не доделал. Послушаний всегда непочатый край. Интересным, наверное, это не назовёшь, но когда ты понимаешь, для чего ты это делаешь, то работать не скучно. Нам не надо разрываться между работой и домом, поэтому нам, может быть, и проще. И мы занимаемся тем, чтобы привести в порядок, благоустроить это место.

Монахиня
Параскева

– Расскажите о вашем приходе.

– Приход очень хороший. У нас с ним сложились добрые отношения. Мы любим своих прихожан. Храм у нас большой, и по праздникам народу очень много. По сравнению с тем, что было, когда мы только приехали, прихожан стало гораздо больше. Есть, конечно, постоянное число прихожан, которые ходят на все службы. Их, может, и не так много, но по праздникам храм заполнен людьми. Может, это потому, что колокольня у нас уже действующая, да и в храме ремонт произведён. И, слава Богу, что так. Кстати, колокола были приобретены на средства благодетелей. Господь посылает нам их. А ещё средствами благодетелей написана икона Божией Матери, именуемая Всецарица, которая теперь хранится в нашем храме.

– Как часто у вас проходят службы?

– Службы проходят только по воскресеньям и по праздникам. У нас служит протоиерей Ростислав Смигирёв.

Хочется сказать, что храм в честь Рождества Богородицы – это одна из главных святынь калужской земли. Ведь сюда когда-то приходили богомольцы со всей Калужской губернии, да и не только. Сейчас это место, увы, забыто людьми. А ведь здесь ещё есть святой источник. Перед Великой Отечественной войной здесь на пригорочке было явление Божией Матери. А потом в этом месте забил источник. И, знаете, даже по нормативным данным, вода в этом источнике считается чистой и пригодной для питья. На источнике совершаются водосвятные молебны в дни празднования Калужской иконы Божией Матери, и прибегаящие с верой получают помощь и исцеление.

Юлия РАХАЕВА
Фотографии автора

Восстановление храма

Восстановленный
иконостас

Сестры за чтением часов

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
248600, город Калуга,
Ул. Навережная, 4
телефон 56-27-00
E-mail: pravo-christ@list.ru

*Награждение высокопреосвященнейшего Климента,
митрополита Калужского и Боровского,
званием «Почётный гражданин Калужской области»
Фотография протодиакона Сергея Комарова*